

Александр Прозоров

К
Н
Я
З
Ь

Повелитель снов

Князь

Александр Прозоров

Повелитель снов

«Автор»

2006

Прозоров А. Д.

Повелитель снов / А. Д. Прозоров — «Автор», 2006 — (Князь)

Попытки Андрея Зверева вернуться домой, в свой мир, в двадцать первый век, оказываются безуспешными. И тогда он решается на отчаянный поступок – пытается изменить мир прошлого так, чтобы создать будущее, которое невозможно при нынешнем течении событий. Но для этого сначала придется изменить страну, сделав ее самой могущественной и передовой! Вот только изменения эти почему-то мало кому нравятся...

© Прозоров А. Д., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Макковей	5
Князь Старицкий	17
Зеркало Велеса	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр ПРОЗОРОВ ПОВЕЛИТЕЛЬ СНОВ

Макковой

Проскакав неспешной рысью по петляющей вдоль Суходольского озера тропе, Андрей Зверев, он же князь Сакульский по праву владения, спешил к каменистой россыпи, что раздвигала камышовые заросли, отпустил подпруги, быстро разделся, пробежал по камням и с крайнего вниз головой сиганул в теплую воду. Проплыл метров десять, вынырнул, шумно выдохнул, стремительными саженками отмерил еще метров пятьдесят и, перевернувшись на спину, раскинул руки и ноги, подставляя обнаженное тело солнечным лучам.

Внезапно на берегу послышался треск, лошадь тревожно всхрапнула – Андрей тут же перевернулся, подгреб поближе к берегу, замер, прислушиваясь. Нет, ничего, вроде спокойно. Хотя, конечно, без оружия под рукой на душе все равно как-то неуютно. Не то чтобы князю было чего опасаться в своих землях. Здесь, в сердце Северной Пустоши, в окруженном с трех сторон водой княжестве случайных прохожих не бывало, тати не баловали, войска вражеские тоже не бродили. Рубежи датские лежали рядом, сразу за рекой Волчьей – да только по ту сторону границы царила такая же пустота: непролазные сосновые боры на холмах, густые осинники в низинах, да еще все перемежалось частыми озерами, реками и болотами. Поди доберись! Предосудительного Андрей тоже ничего не делал. В жару во всех русских деревнях купались все от мала до велика. И хотя рассказывали темными вечерами старики истории про коварных любвеобильных русалок, расчесывающих волосы по берегам глубоких омутов, про холодных навок и жадных водяных, про вечно хромых анчуток, болотниц и бродящих по топям в облике толстых монахов болотников – воды все едино никто не боялся. Плавать умели, почитай, все. Не в пустыне жили – есть где научиться. А что «Ильинка кинул льдинку» – так про то и самые истовые христиане по жару мало когда вспоминали.

Правда, со смердами Зверев не купался никогда. Как-никак князь. Не хотел общему баловству с простыми пахарями предаваться: должна и дистанция некая между господином и крестьянином существовать. Но и отказываться в зной от озерной прохлады Андрей не собирался. Разве устоишь в неполные девятнадцать лет от возможности обмакнуть в принадлежащей лично тебе реке, в заводи или озере? Ну да, коли и застанет его тут какой смерд – стыдного-то нет ничего. Плавает хозяин и плавает. Не тонет ведь. Значит, позора на нем нет.

Если кого опасаться и стоило – так только волка, что лошадь зарезать может, пока человек далеко. Но ведь август – не голодный февраль, когда половина дичи по норам спит, а другая половина под снегом прячется. Зачем серому летом к кобыле лезть и копытом в лоб получать, коли крыс да зайчат неопытных по кустам полно?

– Не бойся, красотка, никто тебя не тронет, – утешил лошадку Андрей и опять откинулся на спину. Но не успел он распластать руки, как с Боровинкина холма тревожно ударил набат. – Вот... проклятие...

В этот раз князь торопливо доплыл до камней, выбрался на берег, натянул шаровары, рубаху, опоясался ремнем с ложкой и двумя ножами – саблю в княжестве Андрей почти не носил, – прищепнул гладко выбритую голову тафьей, на ноги натянул мягкие сине-красные сафьяновые сапоги, двумя движениями затянул подпруги седла, поднялся в стремя и с ходу пустил кобылу в галоп, пригнувшись к самой ее шее, дабы встречные деревья не хлестали ветками по лицу. В голове, сменяя друг друга, возникали мысли одна страшнее другой: «Пожар? Набег? Мор? Опять мертвецы проснулись?».

Однако, когда Запорожская деревня показалась в виду, князь не увидел над ней дымов от пожарищ, не услышал ни плача, ни криков.

– Так какого тогда ляду? – недоуменно пробормотал молодой человек, переходя на широкую походную рысь. – Дети малые, что ли, до била добрались?

В деревне хозяина заметили, замахали руками. Андрей увидел, как один из мужчин потрусил навстречу, узнал в нем вечно лохматого Пахома и дал кобыле шпоры, снова переходя в галоп.

– Чего стряслось, дядька? – склонился вперед Зверев.

– Дык, княгинюшка твоя... – задыхаясь, буквально вытолкнул с губ нужные слова холоп. – Повитуху кличут...

– Что-о?!

Андрей опять сорвался во весь опор, пересек деревню, соскочил во дворе прямо на крыльцо избы, ринулся внутрь, но уже в сенях его перехватила дородная Лукерья, жена старосты:

– Нет, княже, тебе ходу туда нету. Что хошь делай, а место в светелке ныне бабье, нечего там вам, мужам, делать. Токмо смущать да отвлекать станете. Неча, неча, иди отсюда!

Протиснуться мимо нее Зверев не смог – да и не шибко старался, внутренне признавая ее правоту. Там, в светелке сейчас творилось чудо появления новой жизни. Чудо, доступное только женщинам и Богу. Мужчине, больше привычному убивать, в этом святилище и вправду делать было нечего.

Он вышел обратно во двор, потоптался и, не зная, что делать, попытался заглянуть в окно. Разумеется, безуспешно: чего там через выскобленный бычий пузырь различишь? На миг мелькнула совершенно дурная мысль, что, будь у Полины сотовый телефон, она могла бы ему позвонить. Мелькнула – и ушла. Какой прок в телефоне, коли схватки начинаются? Тут не до разговоров. А как все кончится, он и без всяких телефонов к жене зайти сможет. И тут уж никакая Лукерья князя не остановит...

– А то ведь и на кол посадить недолго, – пробормотал Андрей. – За мной не заржавеет.

Хотя, конечно, на кол он за все три года пребывания в шестнадцатом веке никого еще не сажал. В голову как-то раньше не приходило.

– Что, тяжело, княже? – подоспел запыхавшийся Пахом и опустился на ступени крыльца. – Кричит? Ох, тяжело это, княже, слушать, как баба от боли воет и беспомощностью мучится. А чем ей поможешь? Удел такой бабий. Они нас рожают в муках, а мы животы свои за них в сечах кладем.

В избе и вправду раздался страшный крик – и Зверев опять забежал под окном. Подпрыгнул – разумеется, с прежним результатом.

– Ты чем маяться, батюшка, – пригладил встрепанные волосы холоп, – помолился бы лучше ей за здоровье, за благополучное разрешение от бремени. Молебен, вон, в храме бы заказал. Даром, что ли, хозяйюшка его отстроила, пока мы по Европам сатанинским мотались? С Божьей помощью и лихоманка никакая не пристанет, и муки перенести легче получится, и...

– Да, молебен, – схватился за подброшенную мысль Андрей. – Молебен! Немедля прикажу, немедля!

Радуюсь возможности сделать хоть что-нибудь, князь вскочил на спину несчастной кобылке и во весь опор помчался к Боровинкину холму.

В едко пахнущей свежими сосновыми опилками, хрустяще-белой церкви было пусто. Перед тремя небольшими иконками горело по лампадке, две свечи плакали воском возле распятия – ни пропахнуть дымом и ладаном, ни обогатиться намоленными иконами новенький храм еще не успел. Молодой еще, с только пробивающейся бородкой попик, скинув рясу, завернув крест за спину и высунув от увлечения язык, старательно вырезал из липы овальную, в размер бревен, емкость с уже готовой щелью наверху. Видимо, ящичек для подаяний.

– Молись! – ринувшись к нему, потребовал Зверев. – Молись немедленно!!!

– Ты... Ты почто, княже?.. – Попик вскочил, уронив на пол стамеску, побелел, как полотно, попятился к стене.

– Молись! За жену мою молись! Не слышишь, что ли, рожает?! Да молись, чего встал, как истукан? Благополучно разрешится – колокол на пять пудов церкви подарю!

Священник сглотнул, широко перекрестился, заскреб пальцами по груди, видимо забыв, где находится нагрудный крест, горячо выдохнул:

– Благослови тебя Господь, сын мой... Да токмо что нам проку в колоколе-то пяти пудов? Надобно хотя бы на семьдесят, дабы окрест звон был слышен. Семьдесят пять...

– Нашел время торговаться, – скрипнул зубами Андрей. – Ты молись, молись! За жену, за ребенка, за здоровье и благополучие. Молись, будет тебе колокол. На сто пудов будет! Только голос свой до Иисуса донеси, благословение его вымоли. Пусть хорошо все пройдет – и будет тебе колокол. Молись!

– На все воля Божья, сын мой, – наконец перекинул поп вперед свой крест. – На Его силу и провидение уповаем. Да пребудет с нами Его милость.

– Молись! – еще раз потребовал князь Сакульский и наконец-то сообразил перекреститься. Все же в обители Божьей находится. – Господи, спаси, помилуй и сохрани грешного раба твоего Андрея. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Он еще раз перекрестился, склонил голову перед резным распятием, круто развернулся и выбежал наружу. Уже не торопя изрядно уставшую лошадь, Андрей выехал на дорогу, проскакал вдоль поля старосты, на котором выставила на солнце золотистые бока хорошо удавшаяся репа. За межей свернул к кустарнику, спешился, кинул поводья на ветви лещины, сам пробрался еще шагов на двадцать дальше, перешел обратно на поле, опустился на колени, поцеловал землю:

– Тебя о милости молю, мать наша Триглава. Не дай пропасть плоти моей и крови моей, не сгуби супружницу мою мукой напрасной, не ужаль нас болью утратной. Я, внук Сварога-созидателя, дитя корня русского, тебя, богиня земли, о милости прошу. Помогите жене моей, Полине, ныне ребенка благополучно родить, одари его силой, красотой и здоровьем, тебя самой достойными, одари его жизнью долгой и радостной, одари его счастьем на земле русской жить от юности и до старости, спаси от голода и лихоманки, от дурного глаза и злого слова, от завистника и черноризника, от иссушатника и болотника. Отныне и до века. Аминь.

Старый Лютобор учил, что жертву Триглаве надлежит приносить семенем... Закончив обряд, князь вернулся к коню, поскакал в поселок. У суетящихся во дворе девок потребовал крынку молока и полбуханки белого хлеба, с угощением поехал к реке. Здесь, у текущих вод, он поделился трапезой с Дидилией: принес жертву русской богине, хранительнице семьи и беременности, попросив ее помощи и покровительства. Древние боги не ревнивы и не отказывают в помощи, коли человек обращается сразу к нескольким из них. Пусть даже одна из высших сил пришла из чужих краев и называет себя единственной. Чем больше защитников у смертного – тем лучше.

Еще укорил себя Андрей, что не очистил дом от столь частой в деревнях нежити: от кикимор, рохлей, баечников, от возможных злых чар. Ведь учил его этому волхв с Козютина мха, учил чародей. Да как-то не нашел князь минуты для такого дела, все на потом откладывал. Такова уж натура человеческая! Сколько ни изобретали древние колдуны надежных защитных заклятий и амулетов, сколько ни придумают будущие ученые чудесники разных вакцин и лекарств – ан большинство людей неизменно оставались и будут оставаться в стороне от подобных благ лишь потому, что недосуг им сделать прививку или повесить на шею созданную умелым знахарем ладанку. Иногда не просто бедой и болезнью платят – жизни по лености своей лишаются. И хотя знают, чем рискуют, а все равно – защититься не торопятся. Некогда им, все некогда да некогда...

– Завтра же зачитку сотворю, – пообещал себе Андрей, поднимаясь в седло. – И на рябину, и на можжевельник. И амулеты при окнах и дверях заложу.

В Запорожской деревне оказалось шумновато. Весть о том, что в семье господина вот-вот появится пополнение, разбежалась к вечеру во все края княжества, и от каждой деревни явилось по одному, по два, а то и по десятку любопытствующих: чем все кончится, благополучно ли, с кем хозяина поздравлять? Фрол, собрав пяток парней, гостей от княжеского двора отгонял, дабы не смущали шумом роженицу и не путались у девок и повитух под ногами.

– Ну что тут? – спешившись, бросил поводья дядьке Зверев.

– Нечто они скажут? – пожал плечами Пахом. – Бегают, суетятся. Полотна чистого, нового истребовали, беленого. Мох болотный, что у нас в припасах был, весь, почитай, извели.

– Как извели? – нервно дернулся Андрей. – Там что, кровотечение?

– Нет, княже, забрали токмо, – положил ему руку на плечо Пахом. Видимо, побоялся, что воспитанник кинется в дом. – Не тревожься. Оно же вернее, коли мхом все выстилать. Болотницы с лихоманкой не дружат. Коли мох на ране, то ни трясушки, ни Антонова огня ¹ бояться не надобно. Дитятко слабый ведь совсем появляется. Так спокойнее. Ты молебен-то заказал, княже?

– Зарок попу дал: коли благополучно все выйдет, колокол стопудовый для церкви закажу. Молится.

– Не попу, – укоризненно поправил холоп, – батюшке.

– Ты его видел, дядька? – хмыкнул Зверев. – Молоко на усах не обсохло. Какой же он батюшка?

– Не в нем сила, княже, сила в слове Божием, в благодати, что через него на нас исходит. Да и старше он тебя, мыслю, лет на десять.

– И сколько сечь он прошел, Пахом? Сколько ляхов на рогатину взял, сколько крестоносцев зарубил? Мне, может, и девятнадцать всего, да годы мои один за десять идут. Потому как цену ошибкам своим знаю.

– А он слово Божие усердно зубрил, княже, пока ты бердышом по степям размахивал. Да еще он при соборе Воскресенском на Валааме пять лет служил. Посему его молитва десяти твоим равна. И коли Бог тебе сына пошлет, Макковья, в том немалая его доля будет.

– Погоди. – От услышанного имени Зверева аж передернуло. – Какой Макковей? Почему? Я про имя пока ничего не говорил.

– Так ведь день сегодня какой? Серпентя пятый над десятком. Святого Макковья день. Стало быть, и имя мальчика по святому его покровителю наречется. Удачный ныне день, княже, от дурного глаза спокойный. Три дня тому Силуян отмечался. А в Силуяна, известное дело, ведьмы все от жажды маяться начинают и молоко пьют. Иные до смерти опиваются, а иные, опившись, на многие дни обмирают. Посему люду крещеному ныне вольготно, и дитятам сглаза бояться ни к чему...

– Какой Макковей? – продолжал думать о своем Зверев. – Нечто иного имени в святках нет?

– Знамо, имеются, – кивнул Пахом. – Помнится, Пантелеймона день тоже сегодня значится, и Пафнутия.

– Понял, – недовольно фыркнул Андрей. – Ладно, договоримся как-нибудь... с батюшкой...

В очередной раз скрипнула на смазанных салом подпятниках дверь избы, но теперь вместо потных девок на двор спустилась, вытирая ладони краем верхней юбки, незнакомая краснощекая баба с молодым взглядом и седыми косами, вывалившимися на плечи из-под серого платка с красными нитяными кисточками по краям. Она обвела всех присутствующих оцени-

---

¹ Антонов огонь – гангрена, от которой, по преданиям, чудесным образом исцелял недужных святой Антоний.

вающим взглядом, остановила его на Андрее, подошла ближе и низко поклонилась, чиркнув пальцами по земле:

– С новорожденным тебя, папочка, с сыном. Вылитый ты.

– Сын родился! – неуверенно выдохнул Андрей и уже во весь голос, в крик повторил: – Сын у меня, люди, сын на свет явился! Сын! Фрол, пива всем немедля, меда хмельного, вина давай! Сегодня каждый сытым и пьяным быть должен! Кто завтра на работу выйдет – за врага считать стану. Гулять всем с зари и до упаду! Что завтра на праздник съедено и выпито будет, втрое с оброка прощаю. Нет, Фрол, вчетверо!

Деревенские и приезжие из других поселков радостно завопили, выкрикивая здравицы и князю, и его наследнику, дядька же толкнул в бок и громко шепнул воспитаннику на ухо:

– Бабке... Пятиалтынный бабке сунь, положено... – и сунул Андрею в руку серебряную монету.

Князю искать кошель, рыться в нем было некогда, а потому он передал повитухе пятиалтынный холопа:

– Держи, красавица, заслужила.

– Ай, и спасибо тебе, красный молодец, удалой удалец! Хорошо ты дело свое начал, так бы нам и каженный год с тобой встречаться... – Она приподнялась на носки и, немало не смущаясь высоким званием папочки, торжественно расцеловала его в обе щеки: – Теперича к ненаглядной своей беги, пока не заснула с усталости. Поди, невтерпеж.

Андрей взял ее за плечи, решительно отодвинул в сторону, быстрым шагом поднялся по ступеням, миновал сени, ворвался в светелку, посреди которой утонула в перине его княгиня, присел на край постели, взял бледную, как молоко, Полину за руку:

– Ну ты как?

Юная мама молча улыбнулась, скосила глаза в сторону. Андрей глянул туда же и увидел среди тряпок крохотное, старчески сморщенное, безволосое личико с коричневыми пятнами на лбу. Существо больше походило на воздушный шарик, из которого выпустили воздух, но никак не на человека, и никаких родительских эмоций не вызывало. Зверев кашлянул, неуверенно переспросил:

– Сын?

Полина опять улыбнулась, притянула к себе его ладонь, поцеловала в тыльную сторону.

– Устала хозяйюшка, Андрей Васильевич, – подступила к нему сенная девка. – Вона сколько сил потратила, пока разродилась. А ей ведь еще и кормить надобно. Почивать ей ныне потребно, княже, почивать.

– Спи, – погладил жену по руке Андрей, поцеловал ее в лоб. – Спи. – И неожиданно для самого себя добавил: – Я люблю тебя, Полина, суженая моя.

Кажется, это было первое «люблю», которое слетело с его уст в этой жизни.

На деревне уже веселились. Староста, следуя приказу господина, выставил на улицу несколько бочонков вареного хмельного меда, выбил доньшки, предоставив всем желающим черпать угощение, сколько заблагорассудится. Здесь же, на заборе, висели гирлянды из копченой рыбы, под ними лежали розовые на срезе свиные окорока, куриные полти. Однако сам Фрол, Пахом и еще несколько местных старожилков устроились по другую сторону частокола, между погребом и амбаром, открыв бочонок с квашеной капустой и скромно подвесив над ним двухпудовую белорыбицу. Запивку они тоже черпали из бочонка – но заметно меньшего по размерам, с восковой печатью на боку. Петерсемена, добротное красное рейнское вино. Отчего не побаловаться, коли хозяин дозволяет? Зверев повернул к ним и тут же получил в руки полулитровый резной осиновый корец.

– Долгие лета князю нашему, Андрею Васильевичу! – торопливо провозгласил староста.

– Долгие лета!!! – тут же подхватили за забором. Андрей покачал головой, зачерпнул вина, выпил примерно с половину ковшика, выдернул косарь, срезал с рыбьей туши изрядный

ломоть, прожевал. Фрол, слегка втянув голову в плечи, ждал. Вино все ж таки, не пиво и не мед, что на любом дворе сварить можно, за него серебром плачено. А ну разгневаешь князь?

– Не то кричишь, – укоризненно покачал головой Зверев. – Ныне не мой день рождения. Наследника.

– Долгие лета княжичу нашему, долгие лета! – немедленно подхватили смерды и Пахом вместе с ними. – Долгие лета!

* * *

Праздник вместо дозволенного князем одного дня растянулся на целых три, и остановить его не смог даже Медовый Спас – начавшийся через день после дня рождения княжича Успенский пост. Андрей, памятуя, что смерды отмечают рождение его первенца, на решительные меры не решался, а посему что ни вечер – в Запорожском звучали песни, пели дудки, бродили запойные компании. Что ни утро – кто-то приходил с жалобами на бедокурящих парней, которые то изгородь опрокинут, то корову так напугают, что та доиться перестает, то под подол девке какой или бабе полезут.

Когда наступил Яблочный Спас, Зверев не выдержал и велел старосте давать по десять плетей каждому, кто покажется на улице в подпитии. Не за пьянство, естественно – за нарушение поста, запрещающего употреблять скоромное еще шесть дней. Каждую осень прагматичная мудрость Православной Церкви становилась ясна любому. Только-только кончилась сенокосная пора, начиналось время уборки урожая: лука, репы, яблок. Какое тут веселье? Работать надобно в поте лица, работать от зари и до зари, чтобы по зиме голодному не остаться, чтобы все тягло и оброки уплатить, чтобы погреба и амбары набить по самую крышу... Простая скромная пища и труд, труд и простенькая скромная пища – во имя будущего благополучия души и тела.

Вечером нового дня Фрол загнал на двор временного пристанища князей Сакульских двух парней – крепких лбов лет по двадцати.

– Что, напились? – поднялся навстречу Зверев, как раз сидевший на крыльце.

– А они что трезвые, что пьяные, княже, все едино без царя в голове, – ответил староста, снимая шапку. – Перед вершами возле ручья опять драку учинили, снасть одну поломали, трех девок утопили. Спасу нет, княже.

– Как утопили? Кто? – вступил в разговор Пахом, что нашивал у завалинки на овчинную душегрейку тонкие железные пластинки. – За душегубство кара сурова, тут каженному свою меру отвешивать надобно.

– Не до смерти утопили, обмочили токмо, – поправился Фрол. – Опрокинули аккурат на мережу и сами свалились. Вся снасть в трещинах, рыба ушла. А починять когда? Страда ныне. Раньше токмо этот лоботряс-бездельник по деревне шлялся да девок испортить норовил, – указал он сперва на веснушчатого русоволосого, стриженного «под горшок» парня, после чего ткнул пальцем в белобрысого, но такого же круглолицего: – А тут еще и немец этот появился. Проку никакого, токмо драки каженный день затевают. То промеж собой, а то с других деревень заезжих задирают, с девками встречаться не дают. Я мыслю, повесить их надобно, княже, и вся недолга. Все едино пользы никакой в хозяйстве, одна поруха. Али руки отрубить – другим для острастки. Все едино ни к чему руки сии не прикладывают.

– А почто они немцем меня все кличут? – вскинулся белобрысый. – Поморянец ² я! У нас половина поселенцев поморяне! Ты же сам, княже, из Поморянин нас привез! И имя у меня есть! Изольдом отец с матерью нарекли!

– Понятно, Изя, – тут же сократил слишком длинное для смерда имя Андрей. – Значит, тебя любекский бургомистр в неволю продал. А отец с матерью где?

– Мать здесь ныне, на краю деревни обитает, а отца лютеранцы зарезали. Пять лет тому в город шли, да в поселке нашем людей, что в костеле застали, побили всех до единого, а пастора в дверях повесили.

– Я ее к Кшельнице, вдове старой, поселил, – тут же отчитался староста. – Возле болота. Может, хоть корзины плести приохотится. Хозяйства не потянуть им, княже, сам видишь. А на корзинах да на ягоде с грибами прожить смогут, и оброк какой-никакой дадут. Немца хорошо бы к бортничеству определить. Там и одному подняться можно. А подъемные им не давали, Андрей Васильевич. Куда им? Пропадет токмо добро, не вернут.

– Понятно, Фрол, – кивнул Андрей. – Ступай, я тут с ними разберусь.

– Будете теперь знать, каково баловать, – довольно погрозил пальцем староста и пошел со двора.

Зверев же кивнул Пахому, чтобы дядька отложил работу, немного прошелся по двору, остановился перед белобрысым Изольдом:

– Значит, добрый молодец, работать тебе неохота, а кулаки чешутся? Забавно... Коли пахать отец покойный не научил, к борзням тяги нет... Что же ты жрать зимой собираешься, красавчик?

– А иве все равно – что лето, что зима. Болото замерзнет – я веток куда больше, чем ныне, нарежу.

– Значит, корзинками пропитание добывать намерен? Сидеть, как старый дед, да прутики гнуть? Ладно, дело твое. Но за баловство я тебя все едино дубинкой отходить намерен. Вот только безоружного бить мне зазорно. Защищаться позволяю, как сумеешь. Пахом, давай.

Дядька, успевший сходить в избу, протянул парню саблю. Тот, недоверчиво покосившись на князя, взялся за рукоять. Пахом рванул к себе ножны, оставив его с обнаженным клинком. Поморянец не стусевался: покрутил оружием, примеряясь, тронул пальцем острую кромку. Зверев подобрал у сарая лопату, взялся за черенок внизу, тоже взмахнул, оценивая балансировку инструмента – или, вернее, полное ее отсутствие, – и решительно нанес удар Изольду по голове. Тот закрылся, но неумело – легкий клинок удара не сдержал, пропустив весьма внушительный щелчок.

Однако парень не испугался, не заныл, не сжался в слезливый комок – он сделал выводы и от новых ударов уже не только закрывался, но и уворачивался. Отступал, пригибался, а потом, обнаглев, даже пытался провести встречные выпады. Естественно, неумело – князь клинок отводил и бил лишнего защиты противника уже с силой, внушительно. Белобрысый вскрикивал, морщился, но пощады не просил, продолжая отбиваться.

Андрей все время атаковал голову противника и торс, и когда неожиданно ударил понизу, по ногам, Изя отреагировать не успел, вскрикнул, опрокинулся на спину – кончик черенка мгновенно уперся ему в горло.

– Молодец. – Князь наступил ногой на упавший в траву клинок. – Задора в тебе хватает.

– Горячности много, Андрей Васильевич, умения никакого, – подал голос Пахом.

– Умению научить можно, дядька, а куражу – нет. – Зверев поднял саблю и отдал холопу. – Вот что я тебе скажу, поморянец. Насчет плетения корзинок – это, конечно, бред. Не для здорового парня эта работа. От нее с голоду не опухнешь, но и семьи не прокормить.

---

² Ныне потомков этого славянского племени называют уже померанцами. Померания окончательно онемечилась по Вестфальскому миру 1648 года, утратив самостоятельность и собственную славянскую княжескую династию.

Хочешь, чтобы мать у тебя на старости лет не голодала – либо трудись как все, в поте лица, либо ко мне в холопы продавайся. Ты у меня все равно закупной, но треть гривны серебром я тебе за такое согласие отсыплю. Дашь матери, ей сразу легче станет. Да и опосля помогать хорошо сможешь. С твоим нором у смертного два пути, Изя. Или в душегубы – дабы пару лет пожить хорошо, на чужом горе повеселиться, а опосля в петле на осине праздник закончить. Качаться прочим душегубам в острастку, пока кости не рассыплются. Или в воины подаваться. Жить не так богато и весело, зато долго, в почете и уважении. Вот и выбирай. Либо сабля у меня на службе, либо нищета возле корзинки. Ну или петля у большой дороги. Четвертого выбора у тебя нет. Ты закупной. Пока не расплатишься, уйти права не имеешь. Понял меня? Ну так думай. А ты, добрый молодец, саблю бери. Теперь твоя очередь, посмотрим, на что годишься. Как тебя зовут-то, смерд?

– Илья.

– Почтенное имя. Надеюсь, ты его заслуживаешь...

Второй парень дрался не хуже своего предшественника. Может, успел понять, что бояться нечего, за усердие в сопротивлении не накажут. Может, пытался перещегоолять недавнего соперника. Однако свалить его с ног Андрею удалось так же легко, как и белобрысого. И тем не менее парня он похвалил:

– Молодец, не трус. Однако ты, как я понимаю, пока землю не брал, просто сын крепостного мужика?

– У Антипа Карася я Вторушей иду. Токмо старший мой, того... Лихоманка уж семь лет как забрала.

– А-а, Карася, – вспомнил Зверев щекастого лупоглазого смерда. «Карась», разумеется, было не фамилией, не доросли пока простые крестьяне на Руси до фамилий. Кличка. И к своему владельцу подходила идеально. – Это тот, что у поворота к кладбищу живет?

– Он самый, княже.

– Помню, – кивнул Андрей. – Ну коли ты подъемных не брал, земли себе не отрезал, никому ничего не должен – стало быть, человек ты вольный... Однако же, Илья, сам понимаешь, хоть ты и волен пойти, куда глаза глядят, стать ремесленником в городе, сесть на землю на ином краю Руси али бродягой стать бездомным, каликой перехожим, однако же выбор у тебя на самом деле невелик. Куда ты сунешься в городах, где никого не знаешь? Как урожай в незнакомом месте вырастишь, коли там, в иной погоде, под иным солнцем все иначе, чем здесь, и пахать, и сеять, и убирать надобно? Да и бродягой становиться тебе, мыслю, неохота. Посему, добрый молодец, на роду тебе написано поперек души своей идти, на горло себе становиться, да и брать отрез земли, пахать и сеять через неохоту, летом сено копить, зимой бока пролеживать. Либо... Либо куплю я у тебя волю за полную гривну серебра и избавлю от сей судьбы нудной и нежеланной. Живот за землю отчую класть – дело честное и почетное. За то ратных людей крестьяне и кормят. Не жалуются, что те к плугу не прикасаются. У каждого свое дело. У кого нудное, у кого лихое да рисковое. Ни с едой, ни с крышей над головой, ни с одеждой у тебя никаких хлопот не будет. Это все моя забота. А твое дело – слова моего слушаться да страха в трудный час не казать.

– Трифон сказывал, княже, он тоже у тебя в холопах ходил? – поинтересовался парень.

– Сперва у князя Друцкого, потом у меня.

– Да, он сказывал... – Илья, Карасев сын, широко перекрестился и решительно махнул рукой: – А согласен я, княже! Лучше раз в чистом поле в доспехах золотых с нечистью поганой сойтись, нежели всю жизнь в земле ковыряться! Согласен!

Похоже, мысли о холопстве посещали смерда уже задолго до предложения господина.

– И я согласен, Андрей Васильевич, – вдруг кивнул второй буян. Не так уверенно, как его друг-соперник. Скорее с безнадежностью, чем с радостью. Уж лучше животом в походах рисковать, чем все свое благополучие на плетение корзинок поставить. А в холопьем жизни

вовсе никаких хлопот. Ешь, пей, почивай на всем готовом. Пусть у хозяина голова болит, чтобы ты сытым и одетым был.

– Отлично. – Андрей поднялся на крыльцо, оглянулся на парней.

Вот они, его первые холопы. Не те, что от отца достались, не те, что князь Друцкий от щедрот своих подарил, а его собственные, им самим с воли выкупленные. Те, кто вместе с ним и под его знаменем будет в походы ходить, с его именем на устах животы свои класть.

Князь Сакульский вошел в дом, в светелку, поцеловал Полину, что как раз кормила грудью малыша. Прошло всего несколько дней – а личико сынишки уже расправилось, наполовину сошли темные корочки, закудрявились похожие на пух коротенькие волосики. Княжич больше не напоминал сморщенный шарик – он стал настоящим, пусть и маленьким, большеголовым человечком. Может статься, и ему еще сегодняшние холопы послужат, с ним басурман и крестоносцев бить станут, ему за победы будут здравицы кричать.

Зверев открыл сундук, взял пустые кожаные мешочки, отсчитал в один полсотни крупных плоских копеек-чешуек, в другой – семнадцать. В копейке – примерно четыре грамма, в гривне – двести. Так что все правильно. Хотя в этой денежной системе сам черт ногу сломит: алтын – три копейки, копейка – примерно четыре чешуйки, двадцать пять копеек – рубль, два рубля – гривна. Но при этом московские монеты вдвое дешевле новгородских ценятся, лифляндские – в полтора раза дешевле московских, псковские – в полтора раза дороже... И как только купцы во всем этом без компьютера разбираются?

Князь закрыл сундук, открыл другой, достал несколько листов серой датской бумаги, чернильницу на длинном ремешке, срезанное наискось гусиное перо, вышел из дома.

– Ну что, добры молодцы, не передумали?

Парни не ответили, и Андрей удовлетворенно кивнул:

– Илья, иди сюда. Клянешься ли ты слушать меня во всем, в делах больших и малых, все приказы выполнять с прилежанием, как бы тяжелы они ни оказались, и не отступать от воли моей, даже под угрозой для живота своего и болью любой? Клянешься ли быть честным и верным с сей минуты и до последнего часа своего, покуда отпущен не будешь для отдыха, либо не придет твой смертный час?

– Клянусь, – кивнул Илья и размахисто перекрестился.

– Вот, пиши здесь, что ты, Илья, Антипа Карася из княжества Сакульского, Запорожской деревни сын, получил гривну серебра за волю свою от князя Андрея Сакульского по праву владения. Ставь число и подпись свою. И ты тоже пиши, красавец.

– Грамоте я не обучен, княже, – угрюмо сообщил Изольд.

– Я напишу, ты крестик поставишь, – ответил Пахом. – А грамоте тебя опосля обучим. А то как же так: русский человек, а букв не понимает?

– Я поморянец, – упрямо поправил его парень.

– Да хоть китайцем раньше был, – хмыкнул Зверев. – На русской земле живешь, русскому князю служишь, по-русски разговариваешь, за свободу и справедливость живот свой класть готов – значит, русский. Давай, Пахом, пиши.

Илье, поставившему размахистую, просто королевскую подпись, он вручил мешочек с серебром и предупредил:

– Сегодня домой ступай. Можешь деньги родителям отдать, можешь с девками прогулять, можешь на черный день спрятать – но завтра на рассвете чтобы здесь был! Пахом, сперва с бердышом их работать научи. Эта штука и попроще во владении будет, и для врага в бою страшнее. Опосля уж на рогатину и саблю переходи. Там мастерства больше нужно, а они ребята уже великовозрастные.

– Сделаю, Андрей Васильевич, – согласно кивнул дядька, тщательно выписывая буквы.

Грамота получалась красивая, из крупных, украшенных хвостиками и завитушками букв, вытянутых в одну общую линию, без промежутков. Зверев долго не мог привыкнуть к тому, что здешние писари не разделяют никак слова – но что поделать, такая сейчас орфография.

– Княже, княже! – Во двор влетел мальчонка лет семи, но, вместо того, чтобы поклониться Звереву, свернул к конюшне и принялся жадно пить воду, что грелась для скота в большой кадке. Чистую воду, естественно, колодезную.

– Ты кто такой? – не понял Андрей. – Чего хотел?

– Дядя Левший послал, – утер рот рукавом рубахи пацаненок. – Паузок к нам пришел, к ушкую чалится. Богатый. Не иначе, боярин знатный явился. – Он опять прихлебнул воды и уже не к месту добавил: – Андрей Васильевич.

Торжественность момента была вмиг разрушена. Князь еще раз заглянул Пахому через плечо, после чего потребовал у Изольда клятву верности, принял ее, отдал серебро дядьке и ушел в дом переодеваться. Не в рубахе же простой неведомого знатного гостя встречать! Когда же он вышел уже в атласе и шелке, в суконной, подбитой норковым мехом, украшенной бархатными вошвами ферязи с рубиновыми застежками и шелковыми шнурками на груди, в шапке с золотой бляхой на лбу, опоясанный драгоценной булатной боевой саблей – новоявленные холопы уже отправились тратить полученное серебро.

– Вот, Андрей Васильевич, подписаны, – протянул свернутые в тугую трубку грамоты Пахом. – Отныне они твои рабы, княже.

– На сундук в светелке положи, – кивнул ему Зверев. – Коли хватятся меня, я на пристани.

– Коня оседлать?

– Пешком быстрее дойду, – отмахнулся князь. – Лучше девкам вели снедь собрать, кувшин с вином налить и на ушкуй принести. Гостя попотчевать надобно, а сюда вести не хочу. Коли не потребуется, сами с тобой пообедаем.

От холма, да вершине которого пряталась от возможного половодья деревня, до пристани на берегу торфянистой речушки Вьюн было всего метров триста, не больше. Андрей одолел это расстояние за полторы минуты и, еще не ступив на бревна пристани, радостно раскинул руки:

– Кого мы видим! Боярин Бегебин, воевода Афанасий Семенович! Воистину, милостив ко мне Господь в последние дни! Что за доброе провидение привело тебя, боярин, к моему порогу?

В этот раз боярин не очень походил на д'Артаньяна. Он был в собольей шубе, накинутой на плечи поверх богатой ферязи, голову его спасала от жары высокая бобровая шапка, короткие туфли сверкали множеством самоцветов. В общем, настоящий русский помещик, в котором от европейского щеголя остались только узкие усики и ухоженная – черная борода клинышком.

– Рыбаки из-за промыслов опять лаются, Андрей Васильевич, – ответил воевода города Корела и прилегающей волости. – На месте глянуть порешил. Да заодно захотелось знатного жителя нашего навестить, поклон от купцов передать, узнать, нет ли нужды какой али вестей новых?

– А как же, есть, – невольно расплылся в улыбке Зверев. – Сын у меня родился, наследник. Пять дней тому назад.

– Поздравляю, князь, поздравляю... – Бояре наконец сошлись и крепко обнялись, покачиваясь и похлопывая друг друга по спине. – А что за чудище такое вертится у тебя, Андрей Васильевич?

Воевода указал на многосаженное колесо водяной мельницы, что крутилось перед склоном, подпирающим Суходольское озеро.

– Лесопилка, – небрежно отмахнулся Зверев, давно привыкший к придуманному в начале лета механизму. – Там шатун под валом десять пил из стороны в сторону качает. Бревно сверху под собственной тяжестью на них скатывается, а снизу уже готовые доски вылезают. Два смерда всего приставлены, а досок за день на четыре избы выдает. Строиться много при-

ходится. Я ведь рабов из Европы изрядно вывез. Больше полутысячи из Любека, да тысячу из Дании. Всех разместить надобно, на земле поселить. Опосля еще себе дом новый отстроить надобно, и усадьбу.

– Никак, княже, ты о смердах больше, нежели о себе, заботишься? – недоверчиво ухмыльнулся гость.

– Ну у меня-то крыша над головой есть, боярин, – кивнул Андрей. – А смердов на зиму под небом оставлять нельзя. Перемерут, пропадет зазя мое серебро. Опять же усадьбу лучше без спешки строить, спокойно и основательно. Ведь случись осаду держать – только в прочность стен и надежда.

– Это верно, – согласился воевода. – Тут, княже, камней изрядно кругом. Посему стены лучше из камня класть, они прочнее. А вот сам дом – токмо из бревен, оно теплее и для здоровья полезнее. Коли до весны со стенами обождешь, каменщиков могу прислать добрых. У меня в крепости работали, но там сейчас работы немного, одно лето обойдусь.

– Знамо дело, обожду, – вздохнул Зверев. – До заморозков все едино начать не успею. А как тати озерные, Афанасий Семенович? Удалось покончить с ними, али бегают еще кто?

– С твоей легкой руки, Андрей Васильевич, покончил, благодарствую, – чуть отступив, поклонился боярин. – Под дыбой тати все с охотой поведали. И где схроны тайные, и где стоянки общие, на каких реках, за какими озерами. За месяц ополченцы городские еще полтора десятка душегубов порубили, да трех живыми привезли. Две чалки разбойничьи на меч взяли. Ден десять тому я заводил главных в Москву, в Разрядный приказ отправил, и грамоту сопроводительную с ними. О тебе помянул, как и обещался. Дескать, твоей отвагой все началось...

– Да что мы все на причале, да на причале? – проследив, как на борт ушкуя поднялись с корзинками дворовые девки, деланно спохватился Андрей. – Ко мне за стол прошу подняться, Афанасий Семенович. Откушать чем Бог послал, за здоровье рюмочку бургундского принять. Ты, боярин, я знаю, сие вино ценишь...

Левший, наблюдавший за гостем и господином от рулевого весла, понимающе кивнул и похромал на нос, к трюму с припасами.

– Отчего не откушать? – пожал плечами гость. – С полным моим уважением...

Спустя несколько минут они продолжили свой разговор уже в каюте, выпив по полному кубку тягучего терпкого вина и закусив его сочными медовниками. Пост ведь на Руси. А в пост разве чем угостишься? Что и дозволено вкушать православному человеку – так освященный мед в сотах и пирогах, яблоки простые и моченые, изюм, курагу, грибки соленые и маринованные, рубленую капусту с редькой, огурчики простые и малосольные, парную спинку стерляжью, пироги с вязигой, векошник, уху фруктовую и с шафраном, копченую лососину, запеченных пескарей, щучину свежепросоленную, заливное стерляжье – с ледника, усыпанное яркими колечками моркови, золотистыми луковичками, прорезанное длинными зелеными перьями порея и тонкими, словно изломанными, листьями укропа... Так ведь погреба князя Сакульского пока небогаты, рук не хватает, посему и половины дозволенного угощения девки принести не смогли. Пяток лотков, пяток подносов, несколько горшков и крынок...

Под скромный стол и разговоры пошли грустные. О том, что лето выдалось долгим и засушливым, и хлеб уродился плохо, и поля с капустой и репой скудны, и оброк смердам опять прощать придется да на будущий год в недоимку записывать, так что дохода с имений никакого не предвидится.

– Тебе хорошо, Андрей Васильевич, – после третьего кубка пожаловался воевода, – ты с государем дружен. Вот, намедни, с Новагорода бояре из свиты князя Владимира Старицкого в Корелу заглядывали. Беспokoились, нет ли с твоей стороны какого предательства, помысла супротив Иоанна Васильевича... – при упоминании царского имени боярин широко перекрестился. – Но я уверил, что служишь ты Руси честно и страстно. Опять же, душегубов из чащоб лесных на суд вывел. Тебе хорошо. А вот с меня за недоимки в казну государеву полной мерой

спросят. Разрядному приказу до хлопот воеводских дела нет. Положенного тягла с земли не собрал – со своего кармана докладывай.

– Ну что ты, Афанасий Семенович, – замахал руками Зверев. – Разве тебя недоимкой кто попрекнет, коли ты целую волость от душегубов избавил? Опять же на них и убыток казенный списать можно. Дескать, грабили, но ты, воевода, с ними управился. Я слышал, – понизил голос князь, – в Высоцкой волости купцы зело жаловались, что люд разбойный гуляет, ан воеводы мер к ним никаких принимать не хотят. Так из волости всех воевод поместных в Москву привезли и в поруб посадили. В наказание за леность. Месяц они сидят, другой – а тати на трактах и весях пуще прежнего шалют. Управы-то и вовсе не стало. Купцы опять в Москву, в Разрядный приказ с подношениями. Ну воевод из поруба под стражей всех на прежние места и препроводили.

– И я про ту забаву слышал, – рассмеялся боярин Бегебин. – Купцы, сказывают, боле никуда не жалились. Да воеводам еще долго за муку безвинную отдаривались.

Разговор опять свернул на пустую болтовню о погоде, о родичах, на забавные истории, что случались в разных концах Руси. Однако Андрей уже знал, ради чего приехал воевода Корелы. Предупредить: кто-то из новгородских бояр ищет способ избавиться от нового соседа. Коли с изменой ничего придумать не удалось – может статься, уже с другой стороны к нему подступаются. Знать бы, кто, почему, как? Свита князя Старицкого – намек слишком общий. Под него половину Новгорода подвести можно. В почете князь в вольнолюбивом городе, в большом почете... Потому и обитает там, а не в столице.

Спрашивать воеводу бесполезно. Он, что хотел, уже молвил. Хоть и помог ему недавно Андрей, но рисковать ради князя Сакульского Афанасий Семенович не станет. Он токмо для себя старается и ради воеводства своего. С новгородцами не ссорится, потому как местные. Выжить могут, жалобами приказ закидать, промыслы доходные перекрыть. Со Зверевым ссориться боится, потому как с государем Андрей близок. Одно слово – и конец его воеводству. Вот и крутится: тем помогает, этого предупреждает. Лишь бы врагом никому не показаться, лишь бы его самого убрать не попытались...

Гость, выпив еще пару кубков, вдруг резко поднялся:

– Благодарствую, Андрей Васильевич, за хлеб, за соль, но пора и честь знать. Дела ждут – и свои, и государевы. Будешь в Кореле, приходи. Обижусь, коли не придешь. Добрым людям завсегда вместе быть надобно. Иначе их... Их иначе...

Что именно случится с «добрыми людьми» поодиночке, воевода так и не вспомнил – вместо этого он полез обниматься, после чего решительно перевалился через борт на паузок, сел на крышу надстройки, помахал ладошкой. Андрей только брови вскинул: как же это гость так быстро нагрузился? Вроде и немного употребили...

Воеводские холопы забегали, отвязывая веревки. Пьяным везет – боярин даже шапки не уронил. Одномачтовый паузок – всего трех сажений в длину, с одинокой каютой посередине – напоминал яхту очень малого класса и возвышался над водой на полторы сажени ниже, нежели ушкуй. Грянувшись плашмя с такой высоты, можно и ребра переломать.

Между тем воевода выглядел вполне веселым и довольным, долго и радостно махал рукой, пока его кораблик пересекал заводь. Может, радовался, что так удачно с задумкой управился? И князя упредил, и никого не выдал, лишнего не сболтнул...

– Вот ведь не дадут пожить спокойно, – вздохнул Зверев. – Придется плыть в Новгород. Левший, слышишь меня? Риуса предупреди, Лучемира. Собирайтесь. Коли нужда в чем возникнет, к Фролу ступай, требуй от моего имени. Пахома и двух холопов крепких я к полудню приведу. Вовремя они мне продались, хороший знак. Боги на нашей стороне.

Князь Старицкий

Разумеется, Зверев, как и обещал, дал всем холопам, что в раскопках на Боровинкинском холме помогали, и вольную, и по три шапки серебра. Да только ничего в его отношениях со слугами особо не изменилось. Пахом, вырастивший, воспитавший сына боярина Василия Лисына с самых пеленок, сразу заявил, что стар слишком привычки менять. Относился он к Андрею, как к единственному сыну, поэтому решение такое князя ничуть не удивило. И уж, конечно, гнать своего дядьку из дома, на вольную волю, он не стал.

Риус сообщил, что на полученное серебро корабль купит, станет настоящим кормчим, подрядится товары по свету купцам возить. Но покамест для своего дела был он слишком молод, да и опыта не хватало – а потому рыжий мальчишка продолжал нести службу на ушкуе рядом с умелым, но подслеповатым дедом.

От холопей жизни отказался только Звияга, да и тот, решив вернуться к землепашеству, выбрал себе заросшую пашню на выселках в паре верст от озера, ближе к датскому порубежью. А стало быть, как и прочие смерды, платил оброк и называл князя своим господином. Разве только подъемных ему не потребовалось, да и дом своими руками поставил. Вот и все от прочих крепостных отличие.

Из прежней команды ушкуя пропало всего двое корабельщиков – Тришка сгинул в схватке с пиратами, да Васька Косой сам себе незавидную смерть выбрал. Однако князь надеялся, что неопытные, но зато крепкие парни вполне смогут их заменить.

Прощание с супругой в этот раз получилось быстрым и без лишних слез: Полина больше думала о малыше, нежели о муже. Погода стояла хоть облачной, но без дождя, ветер дул попутный. Скотившись вниз по течению из затона в Ладожское озеро, ушкой расцвел всеми парусами и, с шипением разрезая волны, помчался на юг.

– Ну, гаврики, нечего рассиживаться, – поднял Пахом новых холопов, стоило им закрепить натянутые веревки парусов. – Вот тебе бердыш, а вот тебе. Привыкайте оружие в руках держать. Его, между прочим, наш князь придумал. Всего три года минуло. Ан такая ладная штука вышла – половина бояр и князей для своих ратей такие ковать начали. Работают бердышом тремя хватками...

Андрей, оставив дядьку заниматься с пополнением, ушел на нос, остановился там, глядя сквозь прозрачную воду на выстилающие дно валуны.

Надо же, три года всего, как колдовство Лютобора его в этот мир затянуло. А промелькнули – что один день. Вот он уже князь, уже властитель над судьбами полутора тысяч людей, друг самого государя, муж и отец пухлощекого глазастого малыша, умеющего пока только спать и есть. Князь Андрей Сакульский! А ведь вернешься домой – окажешься опять старшеклассником-недоучкой, пацаном несмышленным, которого никто всерьез не принимает. И надо ему снова в эту бесполезную школу? Чего он там забыл?

Зверев попытался представить себе князя Сакульского за школьной партой, и ему стало смешно.

Корабль мчался под попутным ветром вплоть до полуночи. По какому наитию Лучемир приказал вдруг в полной темноте спустить паруса и отдать якорь, неизвестно, но уже первые предрассветные лучи высветили в двух верстах впереди поросший низким болотным кустарником берег и широкое устье темноводного Волхова.

– Ветер добрый, – вскинув лицо к небу, понюхал воздух старый кормчий. – Авось, и дойдем. Давай, рыжий бездельник, тяни веревку якорную, да паруса поднимай. Коли Господь смилуется, за два дня доберемся.

Спустя четверть часа ушкой по самой стремнине вошел в легендарную реку, западные ворота Руси, и стал упрямо пробиваться против течения. Боги отвернулись от путников только

на третье утро, уже в самом Великом Новгороде. Правда, ветер оставался попутным – но все городские причалы оказались плотно заставлены кораблями: ладьями, дощатниками, наузами, ушкуями и стругами. В преддверии осени многие купцы возвращали свои корабли домой – на долгий зимний отдых, для ремонта. А может, наоборот: чтобы успеть загрузить трюмы накопившимся товаром и поскорее отправить его в теплые воды, пока лед не поймал судно в неодолимую ловушку.

Лучемир прошел город насквозь, под каменным мостом меж крепостными стенами, вывел судно почти в самый Ильмень, но почуял в стороне протоку и повернул налево, в узкое горнило Тарасовца и покатился по нему к устью Вишеры.

– Паруса долой! Весла готовьте.

Течение неторопливо несло ушкуй между берегами с высокими дубовыми быками вместо причалов. Пристани, правда, тоже встречались – но были большей частью заняты.

– Может, к быку? – осторожно предложил Риус.

– Дурень, на борт свалимся, – отвесил рыжему подзатыльник Лучемир. – Киль у нас острый. Корабль-то морской.

– Справа впереди пустой причал, – заметил стоящий на носу Зверев. – Видите?

– Вперед смотреть надобно, а не со старшими спорить, – тут же схлопотал еще один тумак Риус. – Весла готовьте, бо руля ушкуй не слушает. Как бы не промахнуться...

Но старик, разумеется не сплеховал – приткнул корабль бортом к липовым отбойникам с такой осторожностью, словно рукой прислонил. Рыжий и Илья выпрыгнули на пристань, торопливо намотали причальные концы.

– Прибыли, княже, – кивнул Пахом. – Только чую я, до Новагорода отсюда версты три будет, не менее. Не находимся.

– Ничего, найдем постоялый двор, возьмем лошадей. Не к лицу нам пешими ходить. Чай, не голь перекатная. Левший, появится хозяин причала – договорись о стоянке на три дня. Раньше не управимся. Айда, дядька, глянем, куда это нас занесло?

Обстоятельства закинули ушкуй князя Сакульского к рыбацкой слободе. Это понял бы даже младенец: столбы плетней и ворот, глина под ногами, стволы деревьев, трава – все было щедро усеяно, словно серебрянкой, рыбьей чешуей. Видать, промысловики, возвращаясь с берега, вытирали руки обо что придется, задевали заборы грязной одеждой, снастями, корзинами с уловом. И так – день за днем, месяц за месяцем.

В огородах, между капустными грядками и огуречными клетями, тянулись на вкопанных рогатинах серые нитяные сети, возле которых колдовали с челноками и тугими клубками бабы в завязанных на затылке платках и седобородые старцы. Видать, чинили дыры. Еще здесь имелись длинные навесы для лодок, снастей и сохнущей рыбы, амбары для соли, пряностей и улова, повсюду витал неистребимый рыбный запах. А вот чего не было – так это постоялых дворов. Со стороны рыбацкой слободы гости в город не прибывали – никто здесь пристанища для путников и не держал. Пришлось князю с холопом на своих двоих отмахать почти две версты, прежде чем под ногами вместо сухой глины звонко загудела дубовая деревянная мостовая.

– А вот и постоялый двор, – указал Андрей на вывеску с кроватью, на которой отдыхал под полусползшим одеялом свиной окорок. – Давай здесь и остановимся, чтобы зря ноги не топтать. Думаю, у хозяина найдется пара лошадей, чтобы завтра по городу поездить...

Как это всегда бывает в городах, двор оказался тесным – десяток телег меж воротами поместится, самое большее. Зато все строения, даже конюшня и амбар, стояли на подклетьях, имели два этажа и высокие чердаки, уже плотно забитые сеном. Сам дом с узкими, забранными слюдой окнами, был и вовсе в три жилья, не считая подклети.

Дверь с высокого крыльца вела в трапезную, заставленную дощатыми столами и скамьями вдоль них. Здесь было почти пусто: человек пять обедало, не более. Зато все – богатые купцы в суконных кафтанах. Пуговицы сверкали отблесками самоцветов, из-под воро-

тов выглядывали атласные и шелковые рубахи, на пальцах желтели тяжелые перстни. Похоже, выбор свой путники сделали удачно, среди голытьбы сидеть не придется.

– Хозяин, комнаты достойные для князя есть у тебя али все светелки тесные? – грозно рыкнул Пахом. – Где ты бродишь, хозяин, когда гости на пороге стоят?

– В отъезде ныне хозяин, – откинув полог проема напротив, выскользнул в трапезную служка в янтарно-желтой длинной рубахе, перепоюсанной наборным костяным ремешком, в синих шароварах и мягких войлочных туфлях. – Но гость любой в его доме завсегда будет сыт и доволен. Палаты есть боярские и княжеские, светелки на одну ночь для отдыха. Слуг в людской, сколь пожелаете, без платы пристроить можем.

– Княжеские палаты, княжеские, – кивнул Андрей. – Но коли не понравятся, плетью выдеру! Завтра нам двух скакунов добрых на весь день пусть оседлают, а сегодня обед добрый в светелку доставь, после поста разговеться. Вчера, я так счел, Успенский пост-закончился.

– Вчера, батюшка князь, вчера, – поклонился служка. – А за светелку не беспокойся, самого государя достойна, никто досель не жаловался. Борщ есть горячий и вчерашний, щи вчерашние, студень телячий, гусь в лотках и на пару, поросенка целиком запечь...

– Поросенка, – с ходу выбрал Андрей.

– Вино хлебное, немецкое, греческое?

– Греческое.

– Сей же час сготовим. – Служка отступил: – Эй, Данилка! Гостей дорогих в светелку угловую на третьем жиле проводи. С окном на реку да на детинец Софийский. И проверь, как ставни на ночь запираются, дабы хлопот у князя не случилось.

Андрей сразу поверил, что комната будет достойной.. Это был первый случай в его здешней жизни, чтобы на постоялом дворе кто-то озаботился не только столом и постелью, но и видом из окна.

Он оказался прав. Светелка была втрое больше обычных, к тому же разделена занавесью надвое. В закутке перед дверью располагались стол, две узкие постели, сундук. В большей части комнаты имелась еще одна «койка» – широченная трехспальная перина. Напротив нее возвышался шкаф из красного дерева с резными дверцами, подпираемый с двух сторон окованными железом сундуками. Ближе к окну стоял пюпитр, на полочке под которым покоились две книжонки в тонком кожаном переплете. Из открытого углового окна и вправду открывался вид на верхний край кремлевской стены на том берегу и золотые купола, что венчали собор с красными стенами. Верхний этаж постоялого двора поднимался заметно выше всех прочих крыш. Данилка – рыжий курчавый мальчонка лет десяти – деловито бренькал накидным крючком, закрывал и открывал одну из слюдяных створок.

– Оставь окно в покое, – попросил Андрей, выискивая в поясной сумке серебряную чешуйку. – И так вижу, что стараешься. Найди мне лучше, где подворье князя Старицкого находится.

– А чего его искать, господин? – Мальчонка, отпрянув от окна, ловко перехватил из пальцев монету. – В конце Ильиной улицы Старицкие хоромы, за храмом Спаса Преображения. Аккурат напротив архиепископского двора. Токмо епископ еще строится, а княжеское подворье уж ветшать начало. Черное все от времени.

– Стой! А колокола в Новагороде где льют?

– То в монастырях, с владычего благословения, литейщики трудятся. На Синичкиной горе, например. Али на Ковалевском крае, за Неверевым концом.

– Молодец, – пригладил его кудри Зверев. – Беги, с поросенком стряпуху поторопи. Голодные мы. А вино можно прямо сейчас нести.

– Ильину улицу я знаю, – сообщил холоп, едва закрылась дверь за мальчишкой. – Но зачем тебе монастыри, княже?

– Я, дядька, коли ты не заметил, ныне уже отец, – усмехнулся Андрей. – Успел по слабости душевной зарок дать: колокол для церкви нашей заказать на сто пудов. Теперь, хочешь не хочешь, исполнять должен. Слово – оно ведь не воробей.

– Ах, вот оно что... – понимающе кивнул Пахом. – Тогда надобно колокол с благословением отлить. Я вот что, Андрей Васильевич... Пока светло, может, за вещами обернуть? За саблей, казной, одеждой?

– Нет, дядька, – с усмешкой покачал головой Зверев. – Добро до завтра подождет, ничего с ним не сделается. А ты здесь сидеть будешь и за здоровье наследника моего пить. В этом деле совет твой куда нужнее будет...

Ильина улица начиналась от моста через Волхов, что соединял кремль и островную, торговую часть города, шла через торговые ряды и упиралась в белокаменный храм, расписанный почти три сотни лет назад самим Феофаном Греком. По сторонам от дубовой мостовой тянулись, плотно примыкая стенками друг к другу, торговые лавки, похожие друг на друга, как братья-близнецы: каменные, двухэтажные, с кованым навесом над дверью и двумя широко распахнутыми слюдяными окошками по сторонам. На темных, отполированных подоконниках тоже лежал товар. Где – тюки сукна, шелка или сатина. Где – уздечки, седла, попоны и потники. Где – чеканные кубки и тонкогорлые кувшины, полупрозрачный китайский фарфор, резные деревянные ковши. Лавки тянулись от Волхова далеко по Ильиной улице, отворачивали в проулки, расходились на каждом перекрестке в стороны насколько хватало глаз³. Торговцы смирили свой пыл только перед аскетичной белизной храма Спаса Преображения, стены которого тут и там украшали знаки древних купеческих родов. Улица вокруг храма расступалась саженей на сто, и получалось, что он стоит в центре широкого круга. Справа, почти напротив главного входа, шло активное строительство. Каменщики укладывали красный конусный кирпич прямо с телеги в свод арки, сбоку которой уже имелись каменные, ведущие в никуда ступени. Судя по тому, что такие же своды выкладывались в правую и левую сторону, было это не крыльцо, а паперть. Начало длинной крытой галереи, каковые опоясывали многие русские церкви. Стало быть, будущий храм возводился.

Андрей перекрестился и вздохнул. На одном только правом берегу Новгорода огромных каменных храмов уже сейчас имелось больше, чем в Священной Римской Империи Германского Народа и Испании вместе взятых. Зачем горожанам понадобился еще один – Зверев совершенно не представлял.

По другую сторону площади стоял за деревянным тыном красивый семярусный дворец, крытый резной осиновой черепицей. Нижняя часть имела длину саженей в полтораста и ширину около ста. Второй этаж – сто на полсотни. Третий – полсотни где-то на тридцать, четвертый – двадцать на десять, пятый получался размером с небольшую светелку, а два верхних имели, скорее, чисто декоративное предназначение. Хотя, конечно, в конуру размером с бочку, составляющую «шестое жильё», можно втиснуть караульного с самострелом.

Вход на княжеский двор тоже был гордым и вычурным. Калитка – шириной с ворота, ворота – шириной с улицу. Двойные створки: внутренние – из окованной железными полосами дубовой решетки, наружные – сплошные, из толстых досок, на которых сохранились остатки какого-то рисунка. Всадники, человечки, ангелы. Над входами возвышались деревянные луковки с иконами с внешней стороны. Георгий-Победоносец созерцал въезжающих в ворота, святой Сергей – входящих в калитку.

---

³ В XVI веке в Новгороде было 1500 торговых лавок! То есть одних продавцов в нем обитало больше, чем исчислялось жителей в среднем европейском городе.

Андрей, из вежливости спешившись, широко перекрестился, прошел под Георгием, небрежно кинул поводья вороного мерина скучающему ратнику – в кольчуге, между прочим, скучающему, и с рогатиной. Словно в крепости службу несет, а не на обычном одворье.

– А-а... – растерянно открыл рот караульный.

– Князь Сакульский к князю Владимиру Андреевичу с поклоном.

Зверев прошел мимо, оглядываясь по сторонам. За спиной неожиданно ударило гулкое било. Андрей резко крутанулся, рефлекторно схватившись за рукоять сабли, но тут же взял себя в руки, неспешно двинулся дальше.

Двор как двор, навесы с яслями для лошадей. Ныне пустые – видать, для гостей предназначены. Несколько амбаров на каменных подклетьях, прикрытый сверху просмоленной деревянной «ромашкой» стог сена, возвышающийся до окон третьего жилья. Хлев, конюшня, кудахчущие в угловом загоне куры. Разумеется, князю Старицкому тесниться, как на постоялом дворе, не приходилось. Крыльцо на побеленных резных столбах вело сразу на второй этаж. По сторонам от него красовались огороженные трехпудовыми валунами цветочные клумбы, сплошь заросшие тигровыми лилиями. Такую красоту Андрей видел едва ли не впервые. Не лилии – цветочные клумбы на городском подворье, где каждая сажень на вес золота. Да и в усадьбах боярских цветы тоже как-то плохо припоминались.

– А князь-то, оказывается, эстет, – усмехнулся Зверев. Но без ехидства, а с уважением. Подумать о кусочке живой красоты рядом с домом – в этом было что-то душевное.

Продолжая тянуть время, Андрей вернулся к Пахому, забравшему у ратника поводья, погладил мерина по шее:

– Ты ему подпругу отпустил?

– Отпустил, княже. Пригляжу я за ними, не беспокойся.

Зверев кивнул, сделал еще круг по двору и только после этого направился к крыльцу. По его мнению, он выждал достаточно времени, чтобы хозяин усадьбы мог собраться, переодеться, отдать нужные распоряжения – в общем, подготовиться к приему нежданного гостя.

На верхних ступенях его встретил чернобородый боярин в шитой серебром тафье и алой суконной ферязи, отделанной шелковыми шнурами, низко поклонился, приложив руку к груди:

– Здрав будь, князь Андрей Васильевич. Князь Владимир Андреевич рад гостю такому почетному. Милости просим в наши палаты.

Зверев недовольно поморщился, но кивнул, вошел в двери вслед за посыльным, вместе с ним одолел лестницу на третье жилье, миновал короткий коридор и ступил в залу, у дальней стены которой в кресле с высокой спинкой сидел наряженный в соболью шубу и меховую тафью с крестом на макушке мальчонка лет пятнадцати, не больше. Андрей мгновенно вспомнил заговор, разоблаченный им три года назад. Атаку псковских наемников, признания взятых в плен душегубов. Тогда тоже всплывало имя князя Владимира Старицкого. Но если князю сейчас всего пятнадцать лет, то сколько было тогда? Двенадцать? Что мог затеять он в таком возрасте, что придумать, что организовать?

– Долгие лета тебе, князь Андрей Васильевич, – низко склонил голову остроносый боярин, стоявший слева от кресла. – Князь Старицкий рад видеть тебя в добром здравии. Что за дела неотложные привели тебя к нашему порогу?

Зверев понял, что ему хмят. Хмят нагло, обдуманно и намеренно, пытаясь вывести из себя, заставить совершить во гневе глупость или просто развернуться и покинуть враждебный дом.

Если то, что хозяин не вышел встретить к порогу гостя, еще можно было извинить, объяснить какой-то неотложной надобностью – то как оправдать разговор через боярина, словно хозяин дома наголову старше гостя и считает общение напрямую ниже своего достоинства? Князь Сакульский здесь ведь не проситель – он равный в доме равного. Такого гостя положено

на одной ступени встретить, к столу позвать, лично заботами последними, семьей и родичами поинтересоваться. Люб не люб – а обнять гостя, приветить. Владимир же Старицкий явно искал ссоры. Хотя чего мог хотеть мальчишка, едва перешагнувший порог зрелости? Тут присутствовали иные силы и иные интересы. А потому обижаться Андрею было пока рано. Следовало узнать хоть что-нибудь, найти хоть какую зацепку.

– Красивая роспись... – Зверев сошел с отведенного ему места просителя и двинулся по залу, разглядывая яркую роспись на белой штукатурке, что опускалась до самого пола. – Это, вижу, розы, тюльпаны, лилии... О, дракон. Забавно, мыслю, стоять на приеме бок о бок с желтым драконом. А это кто? Лев? Гепард? Пантера? Американский таракан?

– Это... Это лев... – ответил боярин.

– Тогда откуда у него такие усы, Владимир Андреевич? Да еще столько лап? Их пять, или шесть?

– Их там четыре, – громко ответил от кресла остроносый боярин.

– Да ну? А это что? А это?

Сойти со своего места бояре не могли, иначе бы разрушили подготовленную репризу с приемом просителя. Слушать, отвечать, смотреть через плечо – это ведь уже обычный разговор получится. Однако заставить Андрея играть по своим правилам они тоже не могли. И силу ведь к князю Сакульскому не применишь, и никакой особой нужды во Владимире Андреевиче гость не испытывает, чтобы добровольно приличия соблюдать.

– Хорошо расписано, мастерски. – Зверев никаких грубых слов не произносил: очень надо повод для обиды давать. – Просто завидно. Подскажешь, княже, где артель такую умелую нанял?

– То не я, то отец палаты гостевые расписывал, – неожиданно сболтнул мальчишка. – Весен десять тому...

– Но коли тебе надобно, Андрей Васильевич, – моментально пресек беседу остроносый, – то артель мы найти можем. Новгородцы работали, мастера все те же в ней остались.

– А прослышал я, Владимир Андреевич, – пройдя вдоль стены, остановился в шаге перед боярином Зверев, – интерес у тебя возник ко мне лично и к княжеству моему. Про честность мою люди подозрительные слухи собирали, про отношения мои с государем.

– Человек ты в наших землях новый, – и не подумал отводить взгляд остроносый, – незнакомый. Знать надобно Господину Великому Новгороду, кто в землях его поселяется, что за помыслы обитатель свежий имеет.

– Правда ли это, князь Владимир? – перевел взгляд на мальчишку Андрей. – Что в помыслах тебе моих, княже?

– Ты, Андрей Васильевич, с литовского порубежья боярин, – неожиданно ответил на прямой вопрос хозяин подворья. – Родич близкий князя Друцкого. Тебе, мыслим, надлежит и мысли общие для дворян европейских иметь.

– Согласен, – тут же кивнул Зверев. – Это про непротивление злу и права человека?

– Про вольности бояр, государю своему честно служащих, – вскинул подбородок мальчишка. – Разве дело это, коли смерды простые пред судом и государем права равные с древними боярскими родами имеют, коли бросать своих господ в любой год могут или детей своих в города али иные земли отсылать по прихоти своей способны, имения безлюдя? Разве дело это, коли с людьми ратными, живот свой за отчину кладущими, простые смерды равняются? Они ведь, крестьяне безродные, никакого иного дела, окромя приплода и урожая, не дают, умом и пользой от коров и лошадей не отличны. Так почему бояре родовитые с ними равняться должны, прихотям их угождать, отчего достаток наш, княжеский, от потакания смердам зависит? Во всем честном мире крестьяне от рождения к земле господской привязаны и суду дворянскому, а не общему подчинены. Почему же у нас, на Руси порядки иные насаждаются?

Вольный боярин и послушный ему смерд – вот закон, ведущий все королевства к силе и процветанию!

– Кое о чем ты забыл, княже, – улыбнулся Андрей, переходя к креслу хозяина дома. – Ты забыл о святости и благословении Господнем. Помнишь, чем отличается Русь от стран востока и стран заката? Русская земля святая, она не рождает рабов. Стоит уравнивать нашу землю и зловную Европу, подчинить их общим законам, сделать людей русских от рождения прикованными к уделу своему рабскими цепями – и Русь наша тут же потеряет святость. Станет шальной и бесхребетной, как та же Польша или Германия.

– А ты знаешь, князь, какие вольности имеют польские шляхтичи или немецкие бароны? – вмешался в разговор остроносый боярин.

– А ты знаешь, – повернул к нему голову Андрей, – что ни Германии, ни Польши скоро в природе не останется? Сгинут, рассыплются, поделены будут меж приличными соседями?

– Откуда ты сие знать можешь, Андрей Васильевич? – удивился боярин.

– Нутром чувствую... – Зверев понял, что брякнул лишнее, и решил свернуть разговор, пока не всплыло еще что постороннее. – Прости, княже, у тебя тут что-то темное... – И прежде чем дворня успела отреагировать, он вытянул руку и легонько провел ногтем у мальчишки по носу: – Соринка какая-то... Ну рад был видеть тебя, Владимир Андреевич. Надеюсь, мы еще подружимся...

Андрей развернулся и торопливо вышел из горницы. Сбежав со ступеней, он махнул дядьке, направился к воротам и оказался на улице почти одновременно вместе с холопом и лошадьми.

– Что князь Старицкий сказывал, Андрей Васильевич? – поинтересовался Пахом.

– А что мальчуган малой мог сказывать? – развязывая чересседельную сумку, переспросил Зверев. – Чужие слова какие-то перепевал. Про цивилизованную Европу и вольности дворянства. Однако же все равно странно. Я, с его же слов, человек с порубежья литовского, родич князя Друцкого, у коего половина корней по ту сторону рубежей осталась. Нравы во мне оттого должны зародиться безбожные, европейские. Оно ведь скатиться ко злу легко и приятно. Не отказывай себе ни в чем, пей, гуляй, веселись. Это к добру подниматься с трудом приходится, душой и разумом расти, через желания похотливые и гнусные переступать. По уму, во мне они союзника искать должны, гонцов засылать, разговоры осторожные затевать, мысли визнавать. А ну в деле подлом пригожусь? Меня же, не спрося, пытаются в измене государевой обвинить. Считаю, со света сжить, не успев познакомиться. Дело это не простое, с наскоку не получится, но врагом я после такого для Старицкого стану точно. Так зачем им союзника возможного во врага превращать?

Андрей наконец-то добрался до заветного мешочка, провел ногтем по восковому шарик, снимая на него крохотные частицы кожи, пота и грязи неосторожного мальчишки. Для свечи жира человеческого нужно совсем немного, крошку малую – и зеркало Велеса расскажет о нем все до последней капельки.

– Теперь на Синичкину гору помчались, – поднялся в седло князь. – Хорошо бы до темноты в оба конца обернуться.

Стены монастыря на Синичкиной горе мало уступали новгородским: такие же высокие, из красного кирпича, с круглыми островерхими башнями через каждые триста саженей. Причем, в отличие от города, между защищающими ворота башнями блестела золотой луковкой, переливалась витражами, сияла золотыми окладами икон надвратная церковь. Вот только по размерам монашеское жилище раз в двадцать уступало городу. Даже в сорок – ибо половину пространства во внутреннем дворе занимал белоснежный Аркажский храм.

На кресты церкви князь Сакульский перекрестился – и только. Обошел божий дом с алтарной стороны, остановился, оглядывая задний дворик, что сходил под острым углом к приземистой башне с черными зевами бойниц, в два ряда смотрящих во все стороны, даже

вовнутрь. Взгляд Андрея тут же привлек жердяной сарай, стоящий чуть на отшибе от прочих строений: шагов двадцать от ближнего амбара, да еще и с пятью полными воды кадками у кожаной, в подпалинах, занавеси. От сарая доносился частый перестук, словно из кузницы – однако дыма из короткой кирпичной трубы при этом не шло.

Князь отдал повод мерина Пахому, подошел ближе – и сразу понял, что попал как раз туда, куда нужно. В яме за сараем, под толстой дубовой балкой, пятеро мастеров деловито сбивали окалину с колокола высотой в полтора человеческих роста, еще трое черными кусками войлока полировали зачищенные части до яркого золотого блеска.

– Бог в помощь, – присел на краю раскопа Зверев. – Старший кто у вас будет?

– В литейке старший. А ты чего хотел, боярин? – опустил зубило один из мастеров.

– Колокол хотел заказать.

– Это, стало быть, токмо на весну получится, – предупредил работяга. – Коли торопишься, в других местах поспрошай.

Андрей кивнул, направился к сараю, заглянул под полог и тут же отступил: внутри какой-то купец в шубе с янтарными пуговицами выкладывал на столик серебряные монеты. Князь, не желая вмешиваться в чужой торг, немного погулял, и лишь когда купец вышел наружу, занял его место в литейке.

– День добрый, мастер, – кивнул он степенному мужику в полотняной рубахе до колен, с короткой клочковатой бородой и длинными волосами, перехваченными кожаной тесемочкой с начертанными на них священными словами: «Да святится имя Твое, да приидет царствие Твое...». Вот только нос у обладателя этой записи был сломан и сросся корявым комком, а через лицо от левой брови к основанию скулы тянулся длинный розовый шрам.

– И ты здрав будь, боярин, – перекрестился мужик.

– Сказывали, колокола вы хорошие льете?

– Эка удивил, боярин! Про то половина Руси знает. Посему и кланяются к нам с этим делом и из Тулы, и из Вологды.

– Ну у меня тут преимущество быть должно, – улыбнулся Зверев. – Я, как-никак, местный. Храм мы отстроили в Сакульском княжестве. А колоколов пока нет ни одного. Нехорошо это как-то, правда?

– Хорошо не хорошо, а ранее весны, коли работа простая, отлить не сможем. А коли сложная, то и вовсе года два занять может.

– Откуда же я знаю, что просто, что сложно? – пожал плечами Андрей. – Вот, скажем, на два пуда колокол отлить – это трудно?

– Шутить изволишь, боярин? – расхохотался мастер. – Колокольчиками не занимаемся. То к шорникам тебе надобно, это они колокольчики-бубенчики-шелестельщики выковывают.

– А какие отливаете?

– Ну с Божьей помощью и с благословения владыки, для псковской звонницы наемднн пятидесятипудовый колокол довели, – пожал плечами мужик. – А меньше вроде и браться не с руки.

– А глянуть на него можно?

– Чего же не показать? Нам своей работы не стыдно. Пойдем, боярин.

За литейкой, между сараем и забором, на массивных санях выгибалась рогожа. Мужик сдернул ее решительным движением, и яркое летнее солнце отразилось на пузатом боку совсем маленького, высотой по колено, гладко отполированного колокола.

– Пятьдесят пудов? – не поверил своим глазам Зверев.

– Ну, может, на полфунта туда или сюда промахнулись, – не стал спорить мастер, – но не более того.

– Да, ты прав, меньше уже и некуда, – оглянулся на подошедшего ближе Пахома Андрей. – То-то попик наш на двухпудовый колокол так взъярился. Ну что тут скажешь, мил человек, стопудовый нам на колокольню потребуется. Вижу, иначе и затевать всего этого не стоит.

– Со стопудовым легче, – кивнул мужик. – Как большой лить станем, с запасом металл расплавим. Глядишь, пудов сто и останется. Токмо форму в земле отроем, да можно зараз и отливать. К весне всяко будет, как и обещал. Ты, боярин, сорок гривен готовь да на грамотке запиши, каковую надпись на колоколе увидеть хочешь.

– Сорок гривен?! – испуганно охнул Пахом.

– А ты думал? – скривился литейщик. – Посмотри, одного металла сколько потратить надобно. Да еще работа изрядная и с формой, и с заполнением чистым. Опять же расплавить все – тоже угля не один воз спалить придется. Стопудовый колокол ровным счетом сорок гривен и выходит.

* * *

На постоялом дворе князь Сакульский открыл сундук с походной казной, растерянно почесал в затылке, перекидал на стол кожаные мешочки:

– Пять, пять, десять и двадцать. И остается у нас... Остается у меня за душой всего семнадцать гривен, не считая новгородской чешуи в кармане. А я уж начал думать, что бесовское золото никогда не кончится.

– Оно и спокойнее, княже, без сатанинского добра, – перекрестился Пахом. – Неужели своего серебра заполучить не сможем?

– Сможем, сможем... Следующей осенью, когда поселенцы урожаем соберут. А пока придется обходиться тем, что есть. – Андрей опустил крышку сундука. – А есть у нас, дядька, один удачный восковой шарик. Давай-ка, ступай на кухню, возьми там ношву какую, да бадейку с водой. Посмотрим, что там у мальчонки нашего за душой.

– Грех, княже, сие чародейство, ох, грех, – опять осенил себя знамением холоп и отправился выполнять поручение.

– Грех, – согласился Зверев, доставая форму для свечи и льняную нить на фитиль. – А куда денешься?

К заклятию Велеса он обращался уж не первый раз, руку набить успел. Посему изготовить маленькие тонкие свечи с жиром князя Старицкого для него труда не составило, равно как и усыпить воду в ношве заговором Сречи, превращая посудину в колдовское зеркало. Пахом, даром что увлечение своего воспитанника осуждал, замер у Андрея за спиной, и вскоре оба увидели, как юный князь Владимир Андреевич усаживается за стол.

– Не то... – пробормотал Зверев, опустил глаза на нижний край ношвы, забираясь в прошлое своего противника.

Замелькали палаты, голубое небо, постель, богато накрытые столы. Князь спал, ел, охотился, снова спал, опять носился по лугам с охотничьим соколом. Нет, ничего... Для заговора он должен был собрать вокруг себя хоть небольшую кучку людей, вести какие-то беседы, переговоры. Но ничем подобным мальчишка не занимался. Развлекался как умел, валял дурака, слонялся без толку, как и положено знатному недорослю.

– Надо было у боярина жир соскоблить, а от мальчишки проку не видно... Стоп-стоп, а это у нас кто?

Андрей наклонился к ношве, увидев, как качнулась перед несущимся за соколом мальчишкой земля, скрестили ветви дерева. Мир опять закачался – но это, похоже, оттого что на дыбы встала лошадь. Раздвинулись усыпанные розовыми цветками стебли иван-чая, на свет

вышел мужичок в мохнатых штанах и вывернутой наизнанку меховой душегрейке на голое тело...

– Разорви меня шайтан, да это же Кольвай, Андронов сын! – охнул князь. – Знахарь запорожский. Так вот он куда из деревни моей подался. Прямым ходом сюда, в столицу северной Руси. Узнаешь, Пахом?

– Он самый, – кивнул холоп. – Да только куда ему еще податься было опосля того, как ты его опозорил прилюдно, едва не утопил, а опосля выпорол?

– Он не просто пропал, Пахом. Коли помнишь, он вместе с Белургом пропал. С колдуном, из могилы восставшим. А что, если они снюхались? Знахарь отшельником жил, в лесу. Колдун к нему в нору мог прийти запросто. Опять же Кольвай этого полудохлого чудища не испугается. Коли он в магии разбирается, то понял наверняка, с кем дело имеет. Оба они меня ненавидят, так что есть хороший повод для дружбы.

– В Новагород-то почему они подались? Отчего мстить не стали?

– Белург, коли помнишь, попытался... – Андрей, привстав, начал «пролистывать» жизнь князя Старицкого вперед. – И чем это для него кончилось? Руки-ноги я ему переломал. Так что колдун поступил хитро. Он начал искать себе союзников. Тех, кому нужна помощь в чародействе и у кого достанет грубой силы, чтобы повязать меня в цепи, повесить на дыбу. Вот тогда он и оторвется за все былые унижения. В прошлый раз у меня были и сила, и колдовство, а у него – только чародейство. И он проиграл. Теперь у него тоже есть изрядная сила. Вот, проклятие, кончилась!

Свеча с жиром князя Старицкого, зачадив, погасла. Минуту спустя потух и второй огонек. Зеркало Велеса почернело.

– Нужно было толще делать, – посетовал Пахом. – Ничего толком не увидели.

– Из чего, дядька? Много я там у него с носа ногтем успел чиркнуть? Хоть что-то узнали, и то ладно. Значит, Белург и Кольвай у Старицкого. Нет, Пахом, мальчишка все равно ничего, похоже, не знает. Кто-то у него за спиной сети плетет. Узнать бы, кто? И что задумал?

– Государя нашего отравить, чего ж еще? – как-то обыденно ответил холоп. – Как иначе князь Старицкий силу супротив тебя применит, коли не на престоле сидит? Иоанн Васильевич тебя любит, в обиду не даст. Опять же что еще колдун роду Старицких предложить может, дабы в расположение войти? Ежели государь ныне, до рождения наследника своего, преставится, то Владимир Старицкий, брат его двоюродный, единственным наследником будет. Государем. Тут уж, княже, тебе токмо бежать останется, вся сила Руси супротив тебя повернется. И колдун воскресший, и знахарь, и князь Старицкий, и те бояре неведомые, коим ты три года тому покушение на государя сорвал. А отравить царя, извести, со свету сжить проще всего. Нечто колдун старый нужного зелья не сотворит?

– Вот... не живется людям, – сквозь зубы процедил Зверев. – И сами свету белому не радуются, и другим удовольствие портят. Ладно, хочешь не хочешь, придется Ивана малолетнего спасать...

– Иоанна Васильевича? – вскинул брови холоп. – Помилуй, княже, да какой же он малолетний? Ровесник твой, девятнадцатый год ему от роду.

– Не отвлекай, – махнул рукой Андрей. – Значит... Значит, вот тебе гривна серебра. Завтра пойдешь ко двору Старицкого, попытайся разговор с кем-нибудь из слуг завести. Проведай, правда ли Белург у них в доме живет или бывает хотя бы. А еще... Еще неплохо белье грязное боярское на ночь у них забрать. Есть же там прачки, что для господ стирают? Лучше всего исподнее того, остроносого, добыть. А коли нет, то хоть чье-то. В кипяток бросим, жир всплывет – свечи сможем сделать. Так что на ночь только нам эту грязь добыть, а утром все в целости вернем. Сможешь?

– Не знаю, Андрей Васильевич, – пожал плечами дядька. – Нехорошо это как-то. Тайком, исподнее грязное...

– Сам знаю, что нехорошо, – вздохнул Андрей. – Стыдно. Но вот стоит ли жизнь царская нашего стыда? Я бы сам пошел, да только заметен больно. Князь все-таки. Хоть и переодеться, все едино узнать могут. Тогда и вовсе шум подымется.

– Я попытаюсь, княже, – кивнул холоп.

– Отлично. А я днем к корабельщикам прокачусь. Дела кое-какие по хозяйству решить попробую.

* * *

Дорогу к верфи перед Посадской горкой Андрей вспомнил без труда, даром что был здесь больше полугода назад. Ушкой, что путникам не удалось купить по весне, со стапеля исчез, вместо него здесь обрастал желтыми восковыми досками толстый крепкий киль, выгнутый из цельного дубового ствола. Во что он превратится к новому половодью под руками мастеров, сейчас было не угадать.

Князь вошел в ворота, повернул под навес, укрывающий зажатые меж распорками доски, остановился между стопками, постучал по одной кулаком. Как и в прошлый раз, радея о хозяйском добре, к нему прибежал низкий кривой мужичок, грозно размахивая палкой. Увидев знатного гостя, он тут же притих, опустил немудреное оружие, сдернул с головы полотняную шапку:

– Чего желаешь, боярин?

– Хозяина здешнего увидеть хочу.

– Хозяин ныне в городе, боярин, – развел руками мужичок. – Когда вернется, и не ведаю. Знаю, до темноты заглянет. Завсегда заглядывает. Видать, не спится хозяину, пока не уверится, что все в порядке в мастерской.

– Нет, темноты я ждать не стану, – покачал головой Андрей. – Ты вот что... Как придет... Как звать-то его, не спросил?

– Евграфий, Гвоздев сын, с Малой Посадской...

– Пусть купец Евграф на постоянный двор заедет, к князю Сакульскому. А двор мой первый со стороны рыбацкой слободы. На вывеске окорок в постели спит. Запомнил?

– Все передам в точности, батюшка князь, все в точности передам.

– Передай, дело у меня к нему на пять пудов золота... Нет, на полпуда скажи, а то не поверит. Понял? Вечером его жду. Не явится – иного напарника искать стану. Так и передай.

Час спустя Зверев уже подъезжал к своему временному пристанищу, мысленно смирившись с перспективой провести весь день в ожидании, наедине с парой жбанов пряного хмельного меда. Но не успел он скинуть в светелке плащ, как в комнату ворвался радостный, взлохмаченный Пахом:

– Я нашел его, княже! Нашел! Он там, там, мне точно сказывали!

– Кто?

– Да колдун этот полумертвый, Белург его имя. – Дядька быстрым шагом пробежал к окну, распахнул его, сделал глубокий вдох и повернулся к Андрею: – Подхожу я, стало быть, к подворью княжескому. Глянь, а оттуда холоп молодой выскакивает: рубаха атласная, пояс наборный, шапка горностаева, ходит гоголем. Ну я сгорбился весь, и к нему. «Не у вас ли, – спрашиваю, – боярин, божий человек обитает? Молва, говорят, идет, что и светел он ликом, и набожен, и исцелять божьим словом способен, и чудеса творит. Лицом, поведали мне, он узкоглазый и цветом восковым с лица, ростом с меня, но плечами богатырскими и ногами, як у богатырей, кривыми от седла...». А холоп мне и отвечает: «Пошел вон, дурак, деревенщина. Этот чародей и в церковь не ходит, и не молится вовсе, а в светелке заперся и токмо с зельями

колдует, варит что-то, и огни за окном его по ночам мелькают. Молись Богу, чтобы на глаза такому „святоше“ не попался, не то враз в ужа болотного обратит и на обед себе заварит». Ну и замахал на меня руками. А я и рад токмо. Закрестился испуганно, да в сторону и ушел. Вот так, княже, – закончил гордый своей находчивостью Пахом. – Держи гривну свою, вся в целости. Я и так про колдуна все в точности узнал!

– Молодец. Молодчина! – искренне похвалил дядьку Зверев. – Теперь одно нам только дело осталось: исподнее боярское с подворья выкрасть. Уж извини, без этого в зеркало не заглянуть... – И князь Сакульский вернул серебро обратно холопу: – Я на тебя, Пахом, надеюсь.

Холоп вздохнул, маленько потоптался, махнул рукой:

– Ладно, чегось сообразим, – и ушел, забыв притворить дверь.

Андрей тоже закрыть ее не смог: по лестнице взбежал мальчишка, нахально вставил ногу в щель:

– Пришли к тебе, княже. Доискиваются.

– Пришли – значит, встретим. – Он подобрал с сундука саблю и, опоясываясь, вышел к Данилке: – Ну, показывай.

Мальчонка кивнул на усаживающегося за стол горожанина – в алой шелковой рубахе, подпоясанного кумачовым кушаком. Казалось бы – обычный ремесленник, да только многие перстни на пальцах и украшенная самоцветами гривна на шее были слишком дороги даже для новгородского мастерового. Купец Андрею сразу не понравился: остроносый, с редкой бородачкой, впалыми щеками и колючим взглядом; худой, как ангел апокалипсиса. Худые же люди, как известно, либо жадны слишком, на собственном брюхе экономят, либо больны – а любая хворь нутряная характер человеческий не улучшает.

– Здрав будь, мил человек, – опустился за стол перед гостем Зверев. – Ты, что ли, Евграф, Гвоздев сын, хозяин верфи, что на улице, к Посадской горе ведущей?

– А ты, значит, князь Андрей Сакульский, муж княгини Полины? Что же, рад знакомству. – Купец полуобернулся к закрытой пологом кухне и громко крикнул: – Эй, приказчик, вина лучшего князю, другу моему!

Вот он, нрав новгородский! Никакого уважения ни к роду чужому, ни к знатности. Все токмо на золото измеряют. Всего полста лет минуло с тех пор, как сошлись на реке Шелонь рати нищей и малолюдной, но сильной духом княжеской Москвы и богатой до изумления, обширной и многочисленной Новгородской республики. И стало ясно, что сила не в золоте, не в крике вечевом, а в правде, и сделался Новгород всего лишь одной из московских провинций. Но не изменился нрав новгородский, осталась чванливость их к «низовским», как они всех людей, кроме горожан своих, кличут. Любой купчишка с мощной равным себя князьям московским считал, а с боярами небогатыми и вовсе свысока разговаривал. Любой ремесленник одеться норовил по-княжески, в шелка и атласы, самоцветами и золотом сверкал; жену каждый наряжал – боярыням знатым впору. Никакой скромности, никакого понимания места своего в мире. Купец, вон, корабельщик, князя незнакомого, ровно мастерового своего, вином не спросясь угощает, другом кличет. Он-то, новгородец, весь во злате, а у гостя его всего один перстенок на пальце сверкает.

Правда, был во всем этом и один приятный момент: Евграфий, судя по широкому жесту, жадностью не страдал.

– Так какая нужда привела тебя в мою мастерскую, княже? – наклонился вперед купец. – Коли судно тебе надобно ходкое да крепкое, то сшить мне такое нетрудно. Вот токмо дорогие они у меня, сразу упряждаю. И места свободного ныне у воды нет. Разве к ледоставу, мыслю, освободится. Но чтобы не занимал я его, задаток спрошу.

– То-то и оно, что дорогие, Евграф, – наклонился навстречу Андрей. – Ведомо мне, ты добрые суда из доброго леса делаешь. Доски токмо пиленые берешь, рубленые не используешь. А удовольствие это, понятное дело, дорогое. Посему и дело хочу предложить прибыльное тебе,

а не халтурщикам, что ладьи на один сезон сколачивают. Доски хочю предложить тебе добротные. Ровные, пиленые. Но по цене необрезанных. При таком раскладе корабли ты сможешь шить столь же славные, сколь и сейчас, а вот цену назначать вдвое ниже прежнего. И прибыль твой станет выше изрядно, и соперников своих ленивых ты враз из торговли выживешь, главным корабельщиком станешь.

– Ладно сказываешь, княже... – Купец откинулся, с полминуты о чем-то размышлял, потом опять наклонился вперед: – И какую долю ты себе с этого промысла хочешь?

– Никакой.

– Это как?

– Мой прибыль – не твоя забота, Евграф. Твое дело – доски дешевые в корабли дорогие превращать.

– Вот оно, значит, как... – недоверчиво покачал головой купец. – И много ли ты такого товара продать мне желаешь?

– А сколько хочешь, столько и продам.

– Э-э... Двести волокуш продашь?

– Легко.

– Ну коли так... Ладно, убедил. Показывай товар.

– Не здесь товар, Евграф, – покачал головой Андрей. – Он у меня, в княжестве.

– Так вот он в чем, подвох! – громко хохотнул корабельщик и стукнул кулаком по столу. – За морем телушка полушка, да рубль перевоз.

– Не ори, – сквозь зубы процедил Зверев, – не о копеечном закладе речи ведем. Тут сказ о деле на много лет вперед и на многие пуды золота в доход для нас обоих. Ты ведь не коров пасешь, купец. Ты корабли шьешь. От княжества Сакульского до Новгорода три дня пути. Много новое судно за этот срок в цене потеряет?

– Эка сказанул! То новую мастерскую на новом месте строить надобно, людей искать али отсель за озеро переманивать. Самому с хозяйством обосновываться.

– Полцены за материал, – кратко ответил князь.

– Угу... В строительство вложишься, а опосля окажется, что и цена выросла, и тягло на мне повисло, и людишки в холопы продались?

– Насчет тягла ты хорошо придумал, – кивнул Андрей. – А вот со всем прочим никак условия не изменятся, на том рядную грамоту можем подписать. Приедешь на место – увидишь, почему.

Очень к месту служба притащил угощение. Вино – Звереву, хмельной мед, пряженцы и лоток с заливной зайчатиной – купцу. Евграф взялся за еду. Князь Сакульский тоже молчал, давая купцу время подумать. Когда глиняное корытце опустело, а в кружке вспенились остатки меда, новгородец наконец рискнул ответить:

– Не поглядевши не решишь, княже. Готов я с тобой на место сплавать. Там рядиться и станем. А може, иного компаньона тебе искать придется, слова давать не стану. Но задумка у тебя интересная, согласен. Ты когда отчаливать намерен?

– Мыслю, еще дня два придется здесь побыть.

– А судно где?

– За рыбацкой слободой, на Вишерской протоке. Ушкуй там только один стоит, не ошибься.

– Я на паузке своем поплыву. Иначе ведь мне и не вернуться. Тебе-то, княже, из-за одного гостя ушкуй гонять не с руки. Заодно и родичей в Кореле навещу. Послезавтра, стало быть? Ну так я поутру прямо к ушкую и причаю.

Купец поднялся, вынул из складки кушака и кинул подбежавшему служке какую-то монету, развел широко плечи и тяжелым шагом направился к дверям. Андрей остался ждать примерно с половиной кувшина белого рейнского. Еще один кувшин и заливную белорыбицу

он заказал к себе в светелку часа через два. Потом еще один. Время тянулось медленно, а Пахом вернулся только ближе к полуночи. Пряча взгляд, ушел за занавеску, и почти сразу там зашелестел набитый сеном тюфяк.

– Ты бы хоть поел, дядька, – предложил Андрей.

– Прости, что разбудил, княже. Я того... В корчме на Ильиной улице перекусил. Сыт.

– Как хочешь.

Про успехи спрашивать Зверев не стал. И так было ясно, что Пахому ничего добыть не удалось.

Поутру холоп выскользнул за дверь опять же на голодный желудок. Зверев, вытянувшись на перине, приготовился к долгому ожиданию – но Пахом примчался еще до полудня, держа под мышкой внушительный сверток:

– Есть, княже! Уломал! Показали мне прачку одну со Старицкого подворья. Родичем я назвался прачки из-под Вереи да имя назвал: Настасья. Мне такую и показали. Страшная... Что жаба раздутая, и вся в прыщах. Ну а как за ворота с ней вышли, пожалился я, что боярин здешний сестру мою испортил. Обещал за ласку и подарки всякие, и избу новую с землей, и дитяtiu в знатности воспитать. А как понесла – то и не появляется больше. В общем, сказал, приворот хотим на обманщика этого сотворить, дабы любил до гроба и на иных не смотрел совсем. А знахарь, дескать, для того наговора портки ношенные охальника требует. Ох, княже, как она мою сестрицу жалела, как над бедою ее плакала! Ну прямо сердце у нее сжималось. Однако же по три алтына с пары портов истребовала. Я сказал, не ведаю, что за имя у боярина, сам не видел. Баба же токмо обрадовалась. Чем более, тем и лучше.

– Обмануть не могла?

– Дык, я ведь тогда на воротах стражнику их верну, – ухмыльнулся Пахом, – и на обман пожалуюсь. С меня какой спрос? За сестру радею! Да и добро не уношу, а возвращаю. Опять же суда ждать не стану, ноги унесу. А она, Настасья, останется.

Холоп поднял руку и уронил сверток на стол.

– А почему из-под Вереи? – поинтересовался Зверев. – С чего ты взял, что на подворье прачки верейские есть?

– Дык, Андрей Васильевич, откуда князь, оттуда и прислуга быть должна... – удивился дядька.

Естественно, холоп разбирался в родословных и землях здешних князей и бояр куда лучше Андрея. Может, Старицкий князь и вправду был откуда-то из-под Вереи. Странно только, что имение его за половину страны, а живет он здесь, в полном скрытой смуты Новгороде.

– Ладно... Сбегай на кухню, потребуй жаровню с углями ко мне в светелку. Скажи, мерзнет князь. Еще мне вода, естественно, потребуется и... маленький котелок.

Остаток дня выдался для Зверева долгим и жарким во всех смыслах этого слова. Каждый из одиннадцати принесенных прачкой порток следовало нагреть до кипения, чтобы скопившийся жир всплыл к поверхности, потом собрать немногочисленные пятнышки на нить, залить ее воском, разделить на две свечи, после чего выплеснуть старую воду, согреть новую, опять вскипятить, собрать, залить. Со всем этим юный чародей управился только к полуночи. А ведь с каждой из полученных свечей еще следовало провести обряд, просмотреть, что творится в жизни владельца каждого доставленных штанов, стараясь не упустить важного момента – но и не тратить слишком много времени...

Старания вознаградились успехом с седьмой попытки. Да что там успехом – настоящим триумфом! Заглянув в жизнь одного из княжеских бояр, Андрей увидел, что тот читает свиток, исписанный крупным, уверенным почерком.

«... что до зелья кудесника твоего, боярин, то изумительным по чаровыванию своему оное оказалось. Ныне четверо наперсников царских, самых близких к Иоанну, нам с исступле-

нием в верности поклялись и всячески в делах наших способствовать берутся. Оных я беречь мыслю, дабы волю царским именем вещали, как дело до избрания престолонаследника дойдет. Ныне стряпуха дворцовая зелью поддалась и приказ, тебе ведомый, исполнить согласна. Поспешать потребно с тем приказом, ибо государь с царицей Настасьей на молебен в Рождественский монастырь собирается и не иначе, как к Покрову, отъедет...»

– Проклятие... – Андрей опустил ношву с водой, зевнул, отошел к окну. Небо уже начало светиться, предвещая близкий восход. – Похоже, надобно нам, дядька, в Москву. Очередную дрязгу боярскую разгрести. Четверо самых близких... Кто же это быть может? А ну боярин Кошкин тоже их колдовству поддался? Хотя от любого приворота человека всегда отговорить можно. Только бы добраться до него вовремя. Сколько у нас дней до Покрова осталось?

– Да почитай, еще полтора месяца, княже. Даже более.

– Тогда, пожалуй, успеем. Обернемся с корабельщиком в княжество, урядимся по нашему с ним делу. Потом я сразу на корабль – и сюда. Возьму почтовых лошадей, через два дня в Москве буду. Пожалуй, должен успеть. Не все еще у заговорщиков сладилось, приказа отравить еще не дали. Скорее всего, Старицкий сперва сам должен в столицу перебраться. Ему в нужный момент важно быть в самой гуще событий. Успею. Должен успеть. Не то, пока мотаюсь, лед схватываться начнет. Пока не окрепнет, пути в княжество не будет. И застрянет наш уговор с Евграфом до самого Рождества. И то коли других бед не случится... В общем, нужно обернуться! – принял наконец решение Зверев. – Заговор заговором, а собственного дома забывать нельзя. Сожги все эти порты, чтобы следа не осталось. Глупо будет на такой мелочи погаться.

– Как же прочие свечи, Андрей Васильевич?

– Оставим, авось пригодится. Ничего более важного, чем то письмо, все равно не узнаем. – Зверев опять зевнул. – Собирайся, поехали на ушкуй. Пока плывем, отоспимся. Вниз по течению, да озеро... Два дня туда, три обратно, день там. Успею.

Зеркало Велеса

Пока тряпье, исходя вонючим дымом, перегорало на жаровне, пока хозяин, сочтя плату, выбирал гостям самых быстрых лошадей, пока их оседлали и навьючили – солнце уже успело подняться. Да еще почти час пути через рыбацью слободу. В общем, к причалу они подъехали уже ближе к полудню. К пустому причалу.

– Это еще что за японская сила? – изумленно повернул голову к Пахому Зверев.

– Да-а-а... Нет чегой-то ушкуя, Андрей Васильевич, – не менее изумленно ответил холоп.

Князь Сакульский задумчиво погладил рукоять сабли – но в таком деле не мог помочь даже самый лучший булатный клинок.

– Украли, что ли? Хотя как украдешь с командой...

– А может, местом ошиблись? – предположил малец, посланный с гостями, чтобы забрать скакунов.

– Место приметное. Вон вяз раздвоенный и лодка без дна. – Пахом спешился. – Я хозяина пристани поищу, княже. Не мог же он без платы судно отпустить? Вестимо, хоть чего, а ответить должен.

– Хорошо, – кивнул Андрей. – А я вперед-назад вдоль берега прокачусь. Вдруг и вправду мы дорогой ошиблись. Или Лучемир корабль переставил. С деда станется. Встретимся здесь. Коли меня и не будет, все равно не уходи. А то еще нам потеряться не хватает.

Когда ты верхом, расстояния становятся маленькими. За считанные минуты Андрей проскочил на полторы версты вниз вдоль протоки, почти до самого конца острова, потом на рысях вернулся назад, снова вглядываясь в стоящие у берегов корабли. Хотя, конечно, не заметить среди рыбацких баркасов величественный ушкуй было невозможно даже с первой попытки.

– Они ушли, – сообщил князю Пахом, когда Зверев вернулся к приметному месту. – Сказали хозяину, что ты, Андрей Васильевич, повелел им спуститься к Ладоге и ждать тебя там.

– Бред какой! Как повелел, когда?

– Я не знаю, княже, – пожал плечами холоп. – Как мог повелеть, через кого? Я ведь со двора сегодня не отлучался. И вечером тоже. А они ушли на рассвете, как паузок к борту пристал.

– Может, Евграфий чего перепутал? – Андрей задумчиво потер подбородок. – Чего тут сделаешь? Придется верхом в Ладогу скакать. Малой, до нее от Новгорода далеко?

– Коли верхом, с заводными, то за два дня поспеете. Али ночью доберетесь, коли ни себя, ни коней жалеть не станете... Токмо Михайло Андреевич залога попросит. Знамо дело, почти сто верст – это не три, как здесь. За скакунов боязно.

– Ладно, все едино никуда не денешься. Поехали обратно. Перекусим на постоялом дворе, пирогов прихватим, да и в путь. Только как я залог обратно получу, ежели коней в Ладоге оставлю?

– Дык, вестимо... Я с вами поскачу. Я и отдам, и за лошадьми присмотрю, чтобы не загнали. Али еще кого хозяин пошлет, коли забеспокоится.

Однако содержатель постоялого вора купец Заухин Михайло Андреевич не забеспокоился, и уже через час, наскоро перекусив холодным борщом и обжаренной с грибами и сыром ветчиной, путники с набитыми чересседельными сумками выехали из Господина Великого Новгорода на север. Одна беда – выехали без заводных. Свободных трех скакунов на тесном постоялом дворе не нашлось.

Первые версты, что тянулись через слободы, слободки и предместья крупнейшего в Европе города, дорога была широкой и накатанной. Но версты через три оборвалась деревянная мостовая, еще версты через две закончилась отсыпка из мелкой гальки, перемешанной с

песком. Правда, грунтовка оставалась столь же ровной и широкой, как Пуповский шлях. Но недолго. Два часа пути – и накатанный тракт отвернул к сверкающему золотыми куполами монастырю, что отгородился на холме от мирских сует могучими рублеными стенами с навесом для лучников и квадратными башнями, угрюмо смотрящими наружу и вдоль стен черными щелями бойниц.

Путники придержали коней, недоуменно глядя на забранные впереди дубовой решеткой ворота, однако их окликнул отставший почти на сотню саженей мальчишка:

– Вы куда, бояре? Вот ведь тракт ладожский!

– Ох, ничего себе – тракт! – скривился Зверев, глядя на узкую просеку, ныряющую в лиственную влажную низину. – Тропинка заброшенная... Ты ничего не напутал, малец?

– Кто же вдоль реки дорогу прокладывать станет, княже? – пожал плечами Пахом. – Кому добро отвезть надобно, тот на струге поплывет. А кто верхом обернуться желает, тому и тропинка сойдет.

Холоп первым свернул с накатанной дороги и перешел на рысь, пригнувшись на всякий случай к шее коня. Андрей вздохнул и двинулся следом. Последним скакал, насвистывая что-то себе под нос, мальчишка с залогом в небольшой поясной сумке.

Если для дороги эта новгородско-ладожская трасса была позорно узка, то для тропинки – очень даже просторна. Деревья по сторонам расступались почти на две сажени, а потому толстые сучья, что могли выбить из седла неосторожного всадника, до середины пути не выпирали, да и тонких хлестких прутьев встречалось совсем немного. Путешественники скоро перестали пригибаться, лишь изредка отводя от лица ветки, поглядывали по сторонам, любясь резко меняющимися пейзажами. Стоило тропе нырнуть вниз – как они оказывались в узком тенистом тоннеле среди тесно растущих осин, ив, березок или в гуще осинника с тесно переплетенными ветвями. Шла дорожка наверх – стелилась среди прозрачных, пахнущих смолой и ладаном сосновых боров, местами поросших понизу темно-зеленым можжевельником. Время от времени леса внезапно обрывались, уступая место бескрайним лугам, ярко-розовым от стоящего выше седла иван-чая.

По правую руку то и дело меж коричневых сосновых стволов или за краем цветочного поля поблескивал мелкими волнами, дышал манящей прохладой широкий Волхов. Искупаться бы в нем – да времени нет. Путь долгий. Чуть задержишься – и даже к полуночи до Ладоги не поспеешь. Вставать же на ночлег, известное дело – полдня пропадет. Это ушкуй, пока путник спит, продолжает версты отсчитывать. А верховому каждый привал в новые часы дальнего пути выходит.

– Глянь, княже, еще кто-то дорогу накатывает, – чуть придержав скакуна, оглянулся на хозяина Пахом. – Не мы одни такие.

Всадники промчались мимо мужиков, что развалились в траве, вытоптав иван-чай сажень на двадцать по левую руку от тропы. Еще сажень в сорока виднелся табунчик из полутора десятков оседланных лошадей, мирно пасущихся на сочной, не тронутой ни косой, ни плугом, траве. Бездельники проводили проезжих ленивыми взглядами, кто-то залихватски присвистнул вслед.

– Странные ребята, – вслух удивился Зверев. – Пятнадцать рыл, все с мечами. Чего им тут делать? Кузнечиков данью обкладывать? Да и рубахи больно толстые, странно сидят. Словно их поверх поддоспешников натянули. Но тогда уж скорее – поверх брони. От кого они тут таятся, кольчуги прячут? От кукушек и дроздов?

Посвист позади повторился, тут же послышался и начал быстро нарастать тяжелый топот от десятков копыт.

– Вот, зараза, – сплюнул Андрей и передвинул немного вперед, под руку, саблю. – Кажется, я знаю, от кого эти гаврики прятались. Тати лесные. А мы и без щитов, и без бердышей, и без брони.

– Помилуй Бог, боярин, – не согласился малец. – Отродясь на дорогах наших душегубы не ходят. Извели всех князя да воеводы. Чай, не неметчина, земли новгородские.

– Твои бы слова – да Богу в уши. Пахом, дорогу уступи! Все едино на усталых конях нам от них не уйти. Пусть мимо проносятся.

Трое всадников свернули с протоптанной дороги в густые дебри иван-чая, развернулись. Нагоняющие их попутчики перешли с галопа на рысь, потом на широкий шаг, а затем и вовсе остановились, заполонив всю дорогу.

– Это ты, что ли, парень, князем Сакульским будешь? – поднялся на стременах один из преследователей, наголо бритый, но без тафьи, с черной, любовно расчесанной бородкой, вьющейся мелкими кудрями. В остальном мужик никак не отличался от своих товарищей: та же полотняная рубаха, неестественно поднятая на груди и плечах, серые шаровары, прочные юфтовые сапоги. И ни у кого – никаких украшений. На душегубов они никак не походили: разбойники не отличаются скромностью и не имеют привычки ходить в одинаковой форме.

– Ты как с князем разговариваешь, смерд? – расправил плечи Зверев. – Плетей давно не пробовал? Чей холоп будешь?!

– Намедни ты, князь Сакульский, – невозмутимо продолжил мужик, – при встрече кое-что у князя Старицкого забрал. Князь Владимир Андреевич это назад получить желает.

– Да? – рассмеялся Зверев, вспомнив крохотный, почти неразличимый глазу соскоб, оставшийся у него на ногте. – Вы хоть знаете, чего искать, олухи?

– Знаем, – кивнул верховода, вытягивая из ножен меч. – Все заберем, а там видно будет.

– Не отда-ам!!! – вдруг завопил Пахом, поднял коня на дыбы и послал его с места во весь опор, вспарывая ковыльи заросли.

– Стой!

Старицкие холопы рванули следом, Андрей – тоже, оказавшись где-то в задней трети вытаптывающей луг кавалькады. Мозг же продолжал работать, усваивая услышанное: «Они хотят забрать все мои вещи. Но как потом оправдают столь наглое нападение на честного князя, друга самого государя? Только одним способом: не оставив свидетелей. Тем паче, что Белург наверняка не откажется от подарка в виде головы своего недруга...».

Зверев рванул саблю, качнулся вперед и рубанул круп близкого коня. Тот от неожиданной боли оступися, кувыркнулся через голову. Всадник полетел дальше, забавно растопырив руки, но упасть на землю не успел – Андрей, нагоняя, рубанул его поперек в основание затылка и тут же рванул левый повод с такой силой, что едва не порвал лошадиных губ. Скакун, возмущенно захрапев, повернул, оказавшись на пути другого несущегося во весь опор холопа. Слуга Старицкого в последний момент смог отстраниться, проскочив впритирку к морде, – но на клинок распластавшегося вдоль лошадиного бока Зверева отреагировать не успел, и острая сталь пропоролла его бедро почти на всю длину от колена вверх.

– Не жилец, – довольно отметил Андрей, пытаясь выпрямиться обратно в седле.

Однако его скакун тоже начал заваливаться. Не дожидаясь, пока теплый лошадиный бок прижмет к земле, Зверев освободил ногу, шлепнулся вниз и моментально перекатился у коня под брюхом. Послышался чей-то недовольный возглас, но оборачиваться было некогда: прямо на князя мчался еще один душегуб с обнаженным клинком. Андрей выпрямился, вскинул саблю, словно собираясь сразиться, но в последний миг перед столкновением резко пригнулся, метнулся с правой стороны коня влево, одновременно рубя ноги животного чуть выше копыт, упал, миготом откатился – а то ведь с седла и достать могут. Холоп, впрочем, не достал, с отчаянным воплем пролетел над головой рухнувшего животного, а на Андрея уж наскакивал новый враг.

Князь вскочил на ноги, вскинул руки, грозно закричал, резанул кончиком сабли лошадь по носу, самому чувствительному месту. Та, громко заржав, встала на дыбы, мешая всаднику ударить Андрея с седла. В таком положении не о схватке думаешь, а о том, как самому в траву

не кувыркнутья. Зверев, правда, слугу Старицкого тоже не мог достать – но вполне дотягивался до стремени, каковое от души и рубанул, аккуратно по кончику коричневого сапога. Обратным движением резанул несчастного скакуна поперек груди, отбежал, развернулся. Как он и ожидал, потраченных на схватку мгновений хватило вылетевшему из седла холопу, чтобы вскочить на ноги и ринуться на указанную далеким господином жертву.

– Умри, подлый упырь! – из-за головы ударил его душегуб.

Андрей подставил саблю плашмя, давая вражескому клинку соскользнуть в сторону, и тут же полоснул врага поперек лица. Холоп резко откинулся назад, спасая голову, лезвие вспорол рубаху на его груди, обнажая кольчужное плетение. Меч же врага оставался еще внизу, слева – а потому Зверев без опаски ударил его ногой в пах. И вмиг отпрыгнул: всадник, успокоив коня, ринулся в новую атаку, разгоняя животину так, чтобы ни о каких «дыбах» не было и речи. Встанешь справа – под меч попадешь, встанешь слева – все едино меч достанет, останешься посередине – лошадь грудью собьет.

Князь кинулся влево – и встал за сложившимся от боли холопом. Топтать своего товарища душегуб не стал, проскочил левее. Андрей сделал шаг вправо – в итоге они достали друг друга лишь кончиками клинков. Короткое звяканье – и всадник пролетел дальше, начал, горяча скакуна, разворачиваться по широкой дуге. Секунд десять. Зверев как раз сумел добежать до убитого первым холопа, дернуть из его ножен меч, выпрямиться, вскинуть оба клинка вверх, под падающую с широкого замаха смерть. Раздался оглушительный звон. Саблей князь продолжил уводить чужое лезвие от своей спины, а левой рукой вогнал меч в тело лошади куда-то за седлом. Та, словно не заметив, проскакала еще саженой двадцать и рухнула разом, подогнув все четыре ноги. Зверев бросился следом и успел к тому моменту как его враг только поднимался с травы. Холоп выставил навстречу меч, но князь принял клинок на угол меж гардой и лезвием, навалился всем весом – теперь он, а не злосчастный душегуб был наверху. К тому же односторонняя заточка сабли позволяла нажимать на обратную сторону и левой рукой. Мужик, глядя, как сталь приближается к лицу, опять откинулся назад, повернул меч плашмя и ухватился за него второй рукой, пытаясь удержать вес Зверева, не дать лезвию коснуться кожи – но плашмя вражеское оружие уже не представляло опасности. Андрей качнул саблю кончиком вниз, вдавив в макушку, и рванул за рукоять. Клинок заскользил, взрезая живую плоть, холоп вскрикнул – Зверев резко отпрянул, а когда меч, потерявший опору, подпрыгнул вверх, ударил кончиком сабли под подбородок, вгоняя его в голову.

– А-а-а! – Справившись с болью, другой душегуб трусил к нему через вытоптаный луг. Остановился на миг, согнувшись и сведя колени, снова побежал. Андрей, усмехнувшись, двинулся навстречу. – А-а-а, проклятый упырь!

Холоп резко ткнул мечом ему в лицо и тут же попытался ударить сапогом в пах. Поступок понятный и легко предсказуемый. Просто отстранившись от укола, князь резко рубанул саблей вниз, отступил и наклонился, вытирая саблю о траву. Вернул оружие в ножны, огляделся.

Как это обычно и бывает, схватка людей стала мясорубкой для скакунов. Из шести лошадей одна, прихрамывая, уходила к дороге, еще одна билась в траве рядом с последним из старицких холопов, истекающим кровью. Андрей забрал из его слабой руки оружие, добил несчастную кобылку и побежал по широкой просеке вслед за дядькой.

– Если здесь осталось пятеро убийц, значит он рубится с десятью... Черт, держись, Пахом...

Дядька поступил куда мудрее. Он ни с кем не рубился. Доскакав до Волхова, он с ходу влетел в воду, переплыл могучую реку и теперь бессильно распластался в вязком иле под крутым обрывом на том берегу. Рядом, мокрая и понурая, тяжело дышала, опустив голову, лошадь. Душегубы, одетые в тяжелую броню, за ним, естественно, не сунулись и теперь лихорадочно рубили плот: уже свалив и разделав две сосны, они скатывали одно бревнышко к другому. Рас-

чет их был прост: дороги на том берегу нет, через чащи и буреломы жертва далеко не уйдет, выследят. Главное – большой форы не давать.

– Пятнадцать против двоих... – усмехнулся Зверев. – Так были в себе уверены, что даже луков не прихватили. Был бы лук, подстрелили бы дядьку, еще пока плыл. А теперь – шиш. Теперь вы все трупы.

Лютобор учил его многим ратным заговорам, но все они обладали одним общим недостатком: на их применение требовалось время. Схватки же чаще всего случаются в самый неожиданный момент. Да и при свидетелях творить иные явно не стоит – если не хочешь прослыть злым колдуном и угодить на костер. Русь, конечно, не Европа, однако пару раз в году на ее просторах тоже запаливали где чародея, а где и разоблаченную ведьму. Так что напрашиваться «на приключения» не стоило. Но сегодня...

Князь Сакульский отступил обратно в заросли иван-чая, скинул пояс, ферьязь, стащил через голову рубаху, нагреб из-под корней сухой земли, растер у себя под мышками, перемишывая с потом, и начал размеренно читать заговор:

– Плоть от плоти земли русской, воля от воли ветра гулячего, слово от слова речи Свароговой, взгляд от взгляда света полуденного. Я, внук Сварогов, ветвь от корня русского, на сем свете рожденный, в водах омытый, землей вскормленный, Алатырь-камнем благословленный. На море-окияне, на острове Буяне, лежит камень Алатырь, дождями умыт, солнцем согрет, землей укутан. Ты, Алатырь-камень, меня не видишь, меня не слышишь, меня не чуешь. Так бы и вороги меня не замечали. Ты, Триглава-кормилица, забери мою плоть, отнеси на сто сажен к Новгороду. Ты, Похвист могучий, возьми мой шум, унеси его на сто сажен к Новгороду. Ты, Хоре горячий, забери мой свет, отнеси на сто сажен к Новгороду. От сего мига и до конца света. Аминь...

Он рассыпал вокруг себя землю и, глядя только вниз, себе под ноги, оделся, опоясался.

– Плоть от плоти земли русской, воля от воли ветра гулячего, слово от слова речи Свароговой, взгляд от взгляда света полуденного. Ты, Алатырь-камень, меня не видишь, меня не слышишь, меня не чуешь. Так бы и вороги меня ныне не замечали. Аминь...

Хотя этого по заговору и не требовалось, Андрей широко перекрестился и начал выбираться из пугающе молчаливого иван-чая. Шелест сминаемой травы слышался – но откуда-то справа.

Наконец он добрался до поросшего редким лесом склона, начал спускаться вниз, к реке, петляя между соснами. Примерно в ста пятидесяти метрах выше по течению точно так же бежал совсем молодой, еще безбородый боярин с шитой серебром тафьей на гладко выбритой голове, в ферьязи без рукавов и единственным перстнем на среднем пальце левой руки.

Мужики, активно стучавшие топорами, замерли, провожая взглядами идущую прямо в руки добычу, аж дыхание затаили. Андрей повернул влево, заходя им за спины – двойник же оборотился к убийцам лицом. Князь рванул саблю – топочущий по склону паренек в точности повторил движение.

– Стой! – не выдержал один из убийц, кинулся к миражу. Через мгновение все остальные ринулись следом. Зверев побежал за холопами Старицкого – двойник же повернулся к ним спиной и кинулся наутек. – Стой! Стой, не то хуже будет!

Им так хотелось одарить смертью совершенно незнакомого человека... Между тем собственная погибель, невидимая и неслышная, уже шла за ними по пятам, готовясь обрушить клинок на затылок приотставшего душегуба.

Дело закончилось в несколько минут. В азарте погони убийцы не замечали, как шаг за шагом их становится все меньше и меньше. Никто даже вскрикнуть не успел – стараясь не шуметь зря, Андрей раз за разом сносил старицким холопам головы. В общем топоте падающие тела внимания не привлекали. Только чернобородый, умерший четвертым, успел оглянуться

– видать, нутром почуял неладное. Он остановился, открыл рот – но разрубившей горло сабли все равно не различил.

Закончив свою кровавую, но необходимую работу, князь вытер клинок о рубаху последнего из погибших, спустился к реке, тщательно умылся, по воде вернулся к недоделанному плоту, забрался на него, чтобы плеском не выдать своего местоположения.

– Пахом!!!

Холоп на том берегу поднял голову, вперил взгляд в призрака:

– Ты, княже? Андрей Васильевич?

– Я, кто же еще? Ты, как отдохнешь, обратно плыви. Видать, судьба – придется в лесу ночевать. Переберешься – брони с мертвецовними, не пропадать же добру. На лошадей навьючь. Огонь разведи. Я позже вернусь, в лесу еще одного выследить нужно.

Вернулся он только к полуночи, найдя дядьку по свету одинокого костра, и, облегченно вздохнув, вытянулся на пустом потнике, приготовленном возле огня. Темнота сняла силу заклęcia, и теперь Андрей не опасался показаться рядом с верным холопом. Верный-то верный – да чего пугать без нужды?

– Догнал, Андрей Васильевич? – протянул ему Пахом румяный пирог с зайчатиной.

– Нет, – не стал приписывать себе лишнего Андрей. – Но ведь всяко не заявится, после такого-то урока. А что князь Старицкий про стычку узнает – так ведь все равно догадается, когда его люди не вернуться. Только, думаю, молчать он станет. Признаться, что мы его холопов на дороге перебили, – это все едино, что в разбое самолично покаяться. Чего они тут такой толпой делали – при оружии, в броне? Ох, Пахом, не стоит нам ныне из дома отлучаться без бердышей, луков и доспеха. Рискованно. Коли противник наш на стезю этакую ступил, то уже не успокоится. Наверняка новых убийц подослать попробует. Ты добычу собрал?

– Кольчуги да мечи, княже. Поддоспешники в крови оказались, загниют. Бросил. А сапоги прихватил. А то половина поселенцев в поршнях ходят. Им пригодится. Лошадей всего десять собрал на меч взятых да одна со двора постоялого. А мальчишку я так и не нашел.

– Он уже дома, Пахом, про смертоубийство рассказывает. Не видать нам больше нашего залога. Удрал... Тяжело всухомятку жевать. Попить ничего нет?

– Мед в одной сумке нашел. Стоячий, сладкий. Будешь?

– Еще бы, – усмехнулся Зверев. – Кто же от меда перед сном откажется? С ним и сон крепче, и на душе теплее. Давай...

* * *

Хоть и поднявшись в седло еще до рассвета, в Ладугу Андрей с Пахомом прибыли лишь далеко за полдень нового дня. Сразу свернули к причалам и вскоре один за другим облегченно перекрестились:

– Здесь!

Ставший за минувшее лето совсем родным ушкой дожидался князя возле одного из причалов. Следующий взгляд Андрей устремил к нависающей над портом крепостной стене – и чуть не подавился от изумления. Слегка скошенная вниз и вертикальная лишь у самого верха, она была высотой с пятнадцатипятиэтажный дом! А башни вздымались и того выше. Могло показаться, что это обитель великанов, которым обычные стены и города показались слишком мелкими, а потому они решили построить собственную обитель.

– Ни хрена себе! Это как же они?.. Ни хрена!! Где они столько камня-то взяли?

– Озеро недалече, все берега валунами усыпаны, – невозмутимо пожал плечами холоп. – В город заворачивать станем?

– Ни к чему, – справился с первым изумлением Зверев. – У нас и так каждый час на счету. Однако же... Ни фига себе, стену отгрохали ⁴...

На палубе корабля путников тоже заметили, замахали руками. Над поручнями носовой надстройки показалась огненная шевелюра Риуса. На него-то и обратил Зверев свой первый гнев:

– Ты почему из Новгорода уплыл, бездельник? Какого лешего нас там бросил?!

– Дык, Андрей Васильевич, – изумился мальчишка. – Ты же сам повелел. Вон через дядю Пахома приказ передал.

– Да? – вскинул брови князь, перевел взгляд на холопа.

– Помилуй Бог, княже, – торопливо перекрестился дядька. – Вот те крест!

– А когда передал?

– Вчерась, поутру. Токмо светать начало.

– Да как же, княже?! Вместе аккурат в это время сбирались!

– Да знаю, Пахом, знаю, – отмахнулся Зверев, спешил. – Думаю, ты и сам догадываешься, кто рыжему голову заморочил.

– Ну да, княже, а как же! – моментально сообразил дядька. – Коли на дороге нас дожидались, ироды, стало быть, знали, что не на ушкуе поплывем. Они усе и подстроили!

– Риус, – спешил Андрей. – Корабельщик-то появиться успел? Купец Евграфий, Гвоздев сын. Где он?

– У него паузок маленький, княже. Вчерась и чалиться не стал, вперед ушел. Сказывал, отстать на озере боится. А мы его за день все едино нагоним.

– Изя, Левший, Илья, коней расседлать, разгрузить, – зевнул Зверев. – Лошадей продайте тут в городе кому-нибудь. Как управятся, Риус, сразу и отчаливай. Меня до Запорожского не будить! И Пахома – тоже.

* * *

Паузок корабельщика размеры имел примерно те же, что и «яхта» воеводы Корелы, но мачта тянулась раза в полтора выше. Быстрый или не очень – но к тому моменту, что ушкой подошел к устью Вьюна, кораблик Евграфа уже покачивался на якоре возле берега, а сам купец скучал на корме с удочкой. Рядом забавлялись ловлей двое хлопцев лет этак по двадцать, может чуть больше.

– Клюет? – свесился с борта Андрей.

– Дуракам везет, – недовольно буркнул корабельщик и принялся сматывать снасть.

На палубе возле мачты трепыхались в корзине две полупудовые лососины, под ними блестя серебром несколько рыбешек поменьше. Однако, судя по всему, повезло не хозяину.

– Чего вылупились, бездельники? Парус поднимайте, якорь тоже. Видите, уходит князь?

Ушкой парусов не спускал – влетел в протоку на всей скорости, рассчитывая с ходу проскочить участок реки, не продуваемый ветрами из-за густого леса по берегам. Как обычно, Лучемиру это фокус удался – хотя ни Риусу, ни Левшию повторить его не получалось ни разу. За поворотом паруса опять выгнулись, повлекли судно вперед, и пять минут спустя оно причалило к привычному месту. Паузок нагнал их только через полчаса, когда холопы уже начали

---

⁴ На самом деле крепостные стены Ладоги имели вполне обычную высоту. Однако кто-то из жителей города придумал вымостить камнем склоны городского холма от основания до подножия стен. На незнакомых с городом путников и захватчиков эта уловка, по слухам, производила совершенно убийственное впечатление.

разгружать трюм. Приткнулся носом к берегу ниже причала, и вскоре корабельщик поднялся на ровные, плотно сбитые бревна пристани.

– Ох, ну и махина! – покачал он головой, указывая в сторону ручья. – После ладожской стены ты, Андрей Васильевич, второй, кто смог меня поразить. Ужели ты сие чудо сотворил?

– Я придумал, да серебро для его постройки отсыпал. А строили мастера настоящие, умелые. И воду к нему они же отводили. Сделано прочно, на века, можешь не беспокоиться.

– А мне-то оно чего, княже? – пожал плечами купец. – На ногу не упадет, крыши не продавит.

– Ты просто не понимаешь, Евграф, – улыбнулся Зверев. – Как думаешь, что оно делает?

– Знамо что. Мельницу крутит.

– Мимо, – погладил подбородок Андрей. – Что еще предложишь?

– Порох трет? – с легким придыханием предположил корабельщик.

– Мимо. Еще идеи есть?

Купец надолго задумался.

– Ладно, не мучайся, – пожалел новгородца Зверев. – Колесико это через кривошип пакет из пятнадцати пил вперед-назад двигает. А сверху на пилы под своим весом бревна опускаются. Штук пятьдесят в день. Получившиеся доски мужики сортируют по размеру и запускают в другие лотки, где их обрезают по краям спаренные пилы. И все это – идеально ровно. Потому как не люди работают, механизмы. У них руки не трясутся, и от глазомера у них ничего не зависит. Все просто: с одной стороны люди запускают лес, с другой получают обрезанные со всех сторон доски. Теперь понятно, почему они обходятся мне куда дешевле, нежели у ваших пильщиков?

– Да, серьезное дело, – кашлянул в кулак Евграф. – Покажешь, Андрей Васильевич?

– Конечно... – Андрей уже в который раз глянул на тропинку. Однако никто не торопился его встречать, никто не бежал на пристань обнять вернувшихся путников. И за лошадьми послать, получалось, тоже было некого. – Ладно, тут рядом. Пошли.

На самом деле смотреть на лесопилке было особо нечего: ходят туда-сюда пилы, крутятся валы, ссыпаются в огромные валы опилки, оседают медленно едко пахнущие сосновые хлысты.

– Изрядно уже опилок накопилось, – цыкнул зубом купец. – Стало быть, давно мельница крутится?

– Давно, – согласился Андрей. – Домов изрядно отстроить успели, дворец мне ныне начали делать, потом я собираюсь усадьбу возле западной границы строить. На всякий случай, от незваных гостей. В общем, есть куда использовать доски, коли с твоей мастерской дело не выгорит. Чуть позже, чуть раньше, а дело я запущу. А до тех пор либо строиться активно, либо материал запасать стану. Зимой, опасаясь, не так просто будет с этой техникой. Ну да зимой и разберусь.

– Не боишься, княже?

– Чего?

– А что я задумку твою использую да сам такую мельницу сооружу?

– Где? – откровенно рассмеялся Андрей. – Где ты еще такое место найдешь? Для пило-рамы обычным водяным колесом не обойдешься, тут изрядная силища нужна. Думаю, ближе Кавказа ты, Евграф, второго такого удачного места не сыщешь. Посему выбор у тебя прост. Либо согласен ты на мои условия, либо мне надобно искать другого корабельщика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.